

Алексей Писемский

Просвещенное время

Писемский Алексей Просвещенное время

Алексей Феофилактович Писемский
Просвещенное время

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ираклий Семеныч Дарьялов, отставной корнет, по прежнему своему занятию шулер, а ныне директор компании "по выщипке руна из овец".

Софья Михайловна, жена его.

Аполлон Алексеевич Аматуров, богатый помещик, лошадиный охотник и господин, вообще живущий в свое удовольствие; не молодой уже, но очень еще красивый и молодцеватый собою.

Аника Матвеич Блинков, молодой купчик и тоже очень богатый.

Эмилий Федорович Гайер, другой директор компании "по выщипке руна из овец".

Петр Петрович Прихвоснев, агент по всевозможным делам и содержатель увеселительного сада, называемого "Русская забава".

Секретарь компании.

Надя, горничная Софьи Михайловны.

Хожалый.

Акционеры компании "по выщипке руна

из овец".

Абдул-Ага, татарин и зажиточный владелец мыльного завода.

Агей-Оглы-Эфенди, мулла киргизский.

Гаспар Гаспарович Безхов-Муритский, старый ростовщик из армян, подслеповатый и с трясущейся головой.

Один молодой армянин.

Другой молодой армянин.

Г-жа Трухина.

Препиратов, поверенный ее.

Три чиновника.

Шесть человек артельщиков.

Дьячок.

Кучер.

Лакеи.

ДЕЙСТВИЕ I

Женский будуар, с коврами, с мягкой ситцевой мебелью и

со множеством модных безделушек.

ЯВЛЕНИЕ I

Софья Михайловна сидит на одном кресле около стола, а

Аматуров - на другом, невдалеке от нее.

Софья Михайловна (смотря со страстью на

Аматорова). Ты очень меня любишь?

Аматоров (потупляя несколько свои красивые глаза). Очень!

Софья Михайловна. Но за что?

Аматоров (пожимая плечами). Во-первых, за то" что хороша собой!..

Софья Михайловна (слегка вспыхивая). Ну да, я знаю: ты мне это уже говорил; но это, собственно, чувственная привязанность... А за что же еще ты меня любишь?

Аматоров (как бы несколько затрудняясь). За то, что ты умна.

Софья Михайловна (довольным голосом). Нет, ты не шутишь?.. Я в самом деле кажусь тебе умна?

Аматоров. Нисколько не шучу!

Софья Михайловна. Ну, а еще за что любишь?.. Скажи мне, милый мой, мне так от-радно это слышать!

Аматоров (опять пожимая плечами). Еще за то, пожалуй, что ты сама меня любишь.

Софья Михайловна. Ах, я тебя ужасно люблю!.. Но вот еще в чем ты признайся мне: других женщин, прежде меня, ты, конечно, любил?.. Без сомнения?

Аматуров (усмехаясь). Был грех!

Софья Михайловна (быстро подхватывая).
Разумеется! Но которую же из них ты больше любил?

Аматуров. Полагаю, что к тебе у меня самое серьезное и большое чувство.

Софья Михайловна. Поклянись, что это ты говоришь правду!

Аматуров. Клянусь, или, по крайней мере, в настоящую минуту мне это так представляется.

Софья Михайловна (с досадой). О настоящей минуте и не говори, а скажи, что ты всю жизнь будешь это чувствовать!

Аматуров. Полагаю даже, что всю жизнь.

Софья Михайловна. И какую бы, значит, большую жертву или испытание и самоотвержение тебе ни пришлось перенести за меня, ты перенесешь и не разлюбишь меня?

Аматуров. Зачем же разлюбить?

Софья Михайловна. И теперь вот, когда мы так сидим здесь, тебе хорошо со мной?

Аматуров. Еще бы!

Софья Михайловна. А как мне-то хорошо! Я бы всю жизнь так сидела и глядела на тебя!

(Вдруг берет Амурову за руку и начинает целовать.)

Амуров (несколько смущенный этим). Ну, полноте! (Сам начинает целовать руку Софьи Михайловны.) Но ты скажи, собственно, за что меня любишь?

Софья Михайловна (стремительно). Я?.. Тебя?.. За все! За твой ум! За сердце твое, доброе ко мне! За твое лицо! За чудные глаза твои! Ты бог какой-то для меня! Идол!.. И меня теперь пугает одно, что неужели это когда-нибудь изменится и мы должны будем расстаться!.. У меня при одной мысли об этом холод пробегает по всей.

Амуров (несколько встревоженным тоном). Зачем же и с какой стати нам расставаться?

Софья Михайловна (почти гневно). Мало ли что может произойти! Разумеется, если б я была свободная женщина, тогда другое дело, но я замужем...

Амуров (по-прежнему с некоторым беспокойством). А разве муж думает уехать или переехать куда-нибудь?

Софья Михайловна. Не знаю! Кто ж его ве-

дает, что он думает! Ему, конечно, не должны нравиться наши отношения... (Торопливым голосом.) Однако я слышу его шаги! Поотодвинься от меня подальше!

Аматуров отодвигается от стола, а Софья облакачивается на спинку своего кресла.

ЯВЛЕНИЕ II

Входит Дарьялов с сердитым и недовольным лицом.

Дарьялов (грубо жене). Что ж ты, готова? (Кивая небрежно и почти с презрением Аматурову головой.) Здравствуйтесь!

Аматуров, в свою очередь, тоже ему довольно сухо кланяется.

Софья Михайловна. Я вовсе и не думала быть готовой.

Дарьялов (покраснев от злости). Значит, ты не поедешь?

Софья Михайловна. Я еще давеча тебе сказала, что не поеду.

Дарьялов. Почему ж ты не поедешь?

Софья Михайловна. Потому что я совершенно не нужна тут.

Дарьялов. Нет, нужна!

Софья Михайловна. Зачем?

Дарьялов. Затем, что это дело серьезное, вековое. Мне, может быть, нужно будет посоветоваться с тобой.

Софья Михайловна. Я тебе ничего не могу посоветовать, потому что ничего не понимаю.

Дарьялов. Положим, что не понимаешь; но если я хочу этого?

Софья Михайловна (с усмешкою). Странное желание!

Дарьялов. Вовсе не странное! Я объяснил тебе, почему я желаю; объясни и ты, почему ты не хочешь ехать!

Софья Михайловна. Так... просто не хочу...

Дарьялов. Но совершенно беспричинных желаний быть не может!

Софья Михайловна. Отчего ж не может? Может.

Дарьялов (передразнивая жену). "Может"! Бычок по обыкновению нашел... Все равно что стриженный, а не бритый.

Софья Михайловна (насильственно усмехаясь). Ну, да, конечно! Все равно что стриженный, а не бритый.

Дарьялов. Значит, ты дура, и больше ничего!

Софья Михайловна (вспыхнув вся в лице, но по-прежнему насильственно усмехаясь). Если так по-твоему, считай как хочешь.

Дарьялов (окончательно выходя из себя). Наконец, ты не имеешь права поступать таким образом! Я это дело затеваю для выгоды, для семейного благосостояния, в котором и ты, я думаю, будешь участвовать! А человек, получая какие бы то ни было для себя выгоды, должен же для этого потрудиться; иначе это будет подло с его стороны!

Софья Михайловна (тем же насмешливым тоном). Каким же особенным благосостоянием я пользуюсь?

Дарьялов. А таким, что ты пьешь, ешь вкусно, сидишь в теплой, красивой комнате! Стоит это чего-нибудь?

Софья Михайловна (потупляя глаза). Куском хлеба уж ты даже укоряешь меня?

Дарьялов. Я не укоряю тебя, а говорю только, что наши труды должны быть общие.

Аматуров (слушавший всю эту сцену с похуренной головой, поднимая, наконец, лицо

и обращаясь к Софье Михайловне). Но куда это вам так не хочется съездить?

Софья Михайловна. Он едет дом покупать и смотреть, - поезжай и я с ним...

Дарьялов. Да, поезжай, потому что, не говоря уж о том, что покупка эта не шуточная - в пятьдесят, в шестьдесят тысяч, - но в этом же доме будет и квартира наша. Должна ты, я думаю, видеть ее расположение. Ты же с разными тряпками переедешь в нее, и, может быть, негде будет поставить их.

Аматуров (Софье Михайловне). Конечно, вам нужно посмотреть вашу будущую квартиру!

Софья Михайловна. Какая же польза будет, что я ее посмотрю? Положим, что она мне понравится, но он (показывая головой на мужа), как только купит дом, так все переделает и переменит по-своему.

Дарьялов. Непременно переменю, но что ж из того?

Софья Михайловна. А то, что зачем же я буду теперь смотреть на эту квартиру? Тогда и посмотрю...

Дарьялов. А два раза невозможно посмот-

реть? Слепнешь ты от этого? Умрешь?..

Софья Михайловна. Очень возможно, что и умру. Я без того себя дурно сегодня чувствую, а выведу, еще более простужусь.

Дарьялов. Ничего ты не чувствуешь дурно, не ври, пожалуйста! Я сказал уж тебе, что ты дура, и мог бы еще прибавить эпитет! Я очень хорошо понимаю, почему ты не едешь! (Сердито надевая шляпу, уходит.)

ЯВЛЕНИЕ III

Софья Михайловна и Аматуров.

Софья Михайловна. Вот так каждый день почти такие сцены: никакого терпения не хватает. (Начинает плакать.)

Аматуров (пододвигаясь к ней и беря ее за руку). Ангел мой, не плачь! Умоляю тебя! И отчего, в самом деле, ты не хотела съездить и потешить его? Черт бы с ним!

Софья Михайловна (с горестью и досадой в голосе). Не хотела, потому что я желала с тобой остаться, а с его стороны это один только фарс и глупая выходка! Я еще поутру ему говорила, что я не поеду, и он ничего, а тут как-ким тигром рассвирепелым влетел...

Аматуров. Но какая же причина тому, как

ты думаешь?

Софья Михайловна молчит.

Аматуров. Уж не то ли, что я приехал, его рассердило?

Софья Михайловна (не вдруг). Я думаю, что это! Что ж другое может быть? Невежа этакий, забыл всякое приличие: вошел... не поздоровался... не поклонился тебе путем.

Аматуров (грустно усмехаясь). Ревнует, видно!

Софья Михайловна. Вероятно!

Аматуров. Что ж, он выражал это каким-нибудь образом?

Софья Михайловна. Сколько раз, по крайней мере, все без посторонних, а тут и при тебе даже не выдержал. Ты заметил его последнюю милую фразу?

Аматуров. Заметил! Но отчего ты никогда не говорила мне об его ревности?

Софья Михайловна. Зачем же тебя было тревожить? Это мое дело, я и должна все переносить на себе.

Аматуров. Как же, он так прямо и называл, что вот ты любишь Аматурова?

Софья Михайловна. Почти!

Аматуров. Но в каких именно выражениях, я желал бы знать!

Софья Михайловна. Да разные там! Мало ли человек под влиянием злости что может наговорить: что вот он мыкается и работает с утра до ночи, а что у меня только гости и, между прочим, вот ты сидишь целые дни...

Аматуров. Что ж ты ему на это сказала?

Софья Михайловна (с мрачным выражением в лице). Я ему на это говорю: "Отчего ж у тебя могут бывать гости, а у меня нет? Обедать же у нас прежде Гайер беспрестанно, а теперь Матлетов и Дементьев каждый вечер являют-ся". "То, говорит, большая разница: с этими людьми у меня дела общие, а с Аматуровым какие у меня дела?" - "А Аматурову, говорю, со мной весело". Это его ужасно обозлило!

Аматуров. С какой же целью ты его еще больше злишь?

Софья Михайловна. Я нарочно это! Что ж, мне так все от него и переносить, как бы он ни поступал против меня и что бы он ни сказал мне! Но что хуже всего в нем: сколько бы он ни сердился, он никогда не выскажет того, что думает и чувствует, и у него всегда под

этим таится совсем другое!.. Я-то его уж очень хорошо знаю, и мне иногда страшно подумывать, что это за человек...

Аматуров (пожимая плечами). Но согласись, что такая жизнь невозможна и нельзя же тебе постоянно оставаться в подобном положении.

Софья Михайловна. Конечно, тяжело, тем больше, что я.. (Грустно усмехаясь.) Я даже опасаясь, чтобы он чего-нибудь еще хуже не предпринял против меня.

Аматуров (с беспокойством). Что ж он может еще хуже предпринять?

Софья Михайловна на это молчит.

Аматуров (продолжает). Если действительно, как ты говоришь, его в настоящую минуту больше всего возмущает то, что я езжу к вам, изволь: я буду бывать реже, и мы станем видаться в других местах.

Софья Михайловна (с некоторым удивлением). В каких других местах?

Аматуров. Очень просто: ездите чаще к нам в дом.

Софья Михайловна. Что же за радость - ездить к вам в дом! Ты живешь с сестрами, с

братьями! Взглянуть на тебя лишний раз не будешь сметь! Это пытка обыкновенно какая-то для меня, когда я бываю у вас; кроме того, муж будет знать, где я часто бываю, и это ему еще неприятнее будет, чем то, что ты у нас бываешь...

Аматуров (пожимая плечами). Надобно же, однако, что-нибудь попридумать?

Софья Михайловна (грустным голосом). Что ж попридумать? (Берет себя за голову и на несколько мгновений задумывается.) Несчастливая и несчастная я женщина, вот что! Одно, что (при этом все лицо ее вспыхивает) тогда мне в голову пришло, когда он мне сказал, что Матлетов и Дементьев ничего что у нас бывают, потому что у него дела с ними, я тут же и подумала, что если бы ты вошел с ним в дело.

Аматуров (несколько удивленный). Я?

Софья Михайловна (как-то мрачно). Да!

Аматуров (по-прежнему с удивлением). Но неужели бы это могло обмануть и успокоить его?

Софья Михайловна (не совсем уверенно). Полагаю, что могло бы.

Аматуров. На каком же основании?

Софья Михайловна (с несколько забежавшими глазами). Оснований много!

Аматуров. А именно?

Софья Михайловна (видимо придумывая). Именно... что Дарьялов сам про себя говорит, что у него нет ни друзей, ни приятелей, а есть одни только нужные люди. Ты тогда будешь нужный ему человек, а это положит большую узду на него!

Аматуров при этом усмехается.

Софья Михайловна. Потом ревности настоящей, то есть ревности по любви, в нем ко мне нет, потому что он давно уже любит других женщин.

Аматуров. Но, может быть, это не мешает ему продолжать любить тебя!

Софья Михайловна (вспыхнув). С какой же стати? Чем же ты меня после того считаешь? Я вовсе не из таких женщин, чтобы меня совсем уж можно держать в рабском подчинении. Если бы мы с мужем любили друг друга, тогда, вероятно, я тебя бы не полюбила, но если бы это случилось и муж мой все-таки продолжал любить меня, я бы ему во всем при-

зналась, хоть бы он даже убил меня за то! Дарьялов же чисто ревнует меня из самолюбия... Боится, чтобы в обществе ему не посмеялись, что ты у нас беспрестанно бываешь; а когда ты будешь иметь дела с ним, тогда никто, конечно, не посмеет ему и сказать того, потому что он оборвет всякого и ответит, что мало ли кто у него часто бывает по делам.

Аматуров (внимательно выслушавший весь этот монолог и с прежней усмешкой). Все это, может быть, весьма справедливо, но я тут бы несколько вопросов желал сделать.

Софья Михайловна. Пожалуйста!

Аматуров (довольно протяжно). Во-первых, какую же сумму денег я должен затратить в его дела?

Софья Михайловна. Ах, боже мой, какую хочешь! Вы, мужчины, лучше это должны знать.

Аматуров (тем же протяжным тоном). Тысяч тридцать довольно?

Софья Михайловна. Да! Полагаю, что довольно!

Аматуров (подумав немного и усмехаясь). Супруг ваш, скрывать этого нечего, великий

аферист и плут. Что, если он надует и обманет как-нибудь меня?

Софья Михайловна (покраснев). Нет, не думаю... Ты, впрочем, сделай с ним на бумагах.

Аматуров. Бумаги с этими господами ничего не значат...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и лакей.

Лакей. Барин приехали и спрашивают, скоро ли будет готов обед.

Софья Михайловна (Аматурову). Начинает уж придирааться. (Лакею.) Ты же ведь накры-ваешь! Скажи, что скоро.

Аматуров (вставая и берясь за шляпу). Мне, полагаю, лучше теперь уехать, а завтра, что ли, заехать переговорить с Ираклием Семеновичем об деньгах?

Софья Михайловна (нерешительно). Нет, зачем же завтра?.. Мне очень не хочется отпустить тебя! Если бы тебе сейчас идти переговорить с ним? Непредуведомленный, он, пожалуй, дерзость тебе какую-нибудь скажет. погоди! Пстой! (Встает.) Я пойду подготовлю его немного и позову его к тебе!

Аматуров. Отлично, это бесподобно!

Софья Михайловна уходит.

ЯВЛЕНИЕ V

Аматуров (обращаясь к публике и показывая головой на ушедшую Софью Михайловну). Прелестная женщина! Она вся огонь и нервы! Мечтательница, каких мир не производил... Воображает, например, что между мужчиной и женщиной может существовать вечная любовь. Разве между обезьянами где-нибудь на необитаемом острове она еще осталась, а между людьми что-то не видать ее. Но попробуй Софье Михайловне растолковать эту простую истину! Скорей с ума сойдет, чем поверит: расплачется, разрыдается, отнесет непременно это к личности, скажет: "Это вы меня разлюбили, вы такой ветреник", - тогда как все мужчины таковы, да и женщины тоже; она сама же, вероятно, года через два разлюбит меня! (Пройдясь по сцене.) Неприятно тут еще то, что беспрестанно приходится встречаться с ее мужем. Это скотина какая-то: на каждом шагу, явно, что с умыслом, делает мне грубости и дерзости, а теперь еще денег ему давай, которые, разумеется, ухнут у него, и мне уж никакими баграми не выцарапать

их из дел его! Глупо я немножко сделал, что сказал тридцать тысяч, - слишком много!.. Сказал бы, десять, может быть, и тем бы удовольствовались.

ЯВЛЕНИЕ VI

Входит Дарьялов.

Лицо его не так уже мрачно и гневно.

Дарьялов. Еще раз здравствуйте! (Протягивает Аматорову руку, которую тот, в свою очередь, пожимает.) Я давеча, рассердившись на жену, и не простился с вами! Садитесь, пожалуйста!

Оба садятся.

Жена мне сейчас сказала, что вы ездили к нам и теперь даже приехали по одному делу вашему?

Аматоров. Да, по делу...

Дарьялов (с заметной важностью). Слушаем-с! Будем слушать!

Аматоров. Дело мое очень простое: у меня есть свободного капитала тысяч двадцать или двадцать пять!

Дарьялов. Жена мне говорила, что даже тридцать...

Аматоров (несколько сконфузившись). По-

жалуй, что и до тридцати наберется! Получаю я с них всего по шести процентов. Согласитесь, что в настоящее время это смешно; а потому не возьмете ли вы их в какое-нибудь ваше дело хоть сколько-нибудь на более выгодных для меня условиях?

Дарьялов (как бы размышляя). На более выгодных для вас условиях?.. Но в какое же, собственно, дело мое? Я недоумеваю!

Аматуров. В какое хотите! У вас их много.

Дарьялов. Есть, конечно! Но все это как-то неподходящие. Прежде всего, как вы знаете, я директор компании "по выщипке руна из овец". Не акций же этой компании дать вам на тридцать тысяч? Вы их можете сами приобрести в каждой конторе.

Аматуров (усмехаясь). Без сомнения!..

Дарьялов. Затем-с у меня пароходство по реке Безводне. Расширять это дело нет цели, потому что местные потребности не требуют того; улучшать тоже нет надобности, так как оно в отличном виде!

Аматуров. Нового какого-нибудь предприятия вы не затеваете ли?

Дарьялов. Новое у меня одно предприятие:

я покупаю дом! Если хотите, дайте мне эти ваши тридцать тысяч под вексель на покупку дома, - я вам двенадцать процентов дам!

Аматуров. А если бы под закладную?

Дарьялов. Под закладную мне даром, без процентов ваших денег не надобно! Очень мне нужно связывать себя закладной! Я их могу взять только под вексель, с поручительством жены, разумеется!

Аматуров. Зачем же супругу вашу беспокоить?

Дарьялов. Нет-с, нет! Извините! Я люблю делать дела честно и аккуратно: два человека вернее одного! Согласны?

Аматуров (подумав немного). Извольте, мне все равно! Двенадцать процентов на рубль хорошо!

Дарьялов (знаменательно). Я думаю, что недурно! Когда ж, однако, я могу получить от вас деньги?

Аматуров. Если они вам нужны, я сейчас же могу за ними съездить!

Дарьялов. Нет, прежде лучше отобедайте у нас; надобно выпить бутылочки две клико, чтобы спрыснуть нашу сделку; потом вы по-

сидите с женой, а я сосну немного; затем вместе отправимся: вы - за деньгами, а я - к маклеру за векселем! (Громко кричит.) Софья Михайловна!

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Софья Михайловна.

Дарьялов. Обедать, пожалуйста, поскорей!

Софья Михайловна. Я думала, что вы заняты. Там все готово.

Дарьялов. Кончили уж мы, и вы ступайте в залу, а я пойду и распоряджусь о шампанском... Мы тут дело одно сварганили! (Проворно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Аматуров и Софья Михайловна.

Аматуров (с насмешкой). Совсем другой человек стал, как денег понюхал; вежливый, любезный сделался.

Софья Михайловна. У него, кажется, не хватало их на покупку дома, который, он говорит, очень выгоден!

Аматуров. Я уж ему их под вексель даю, - не берет иначе!

Софья Михайловна (видимо, думавшая не о делах, а совсем о другом). Все равно это!.. О,

милый мой! Ненаглядный! (Обнимает Амурову.)

Амуров (прижимая ее к груди). Красавица моя, бесценная, сокровище мое!

Голос Дарьялова из залы: "Идите же обедать!"

Софья Михайловна. Сейчас! (Снова неоднократно целует и обнимает Амурову.)

Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ II

Большая зала в доме Дарьялова. В левой стороне ее на

небольшом возвышении стоит покрытый зеленым сукном стол

с бумагами, с разными письменными принадлежностями и

колокольчиком. Пред столом поставлены два кресла. По

левой стороне, кроме дивана со столом и нескольких

кресел, расставлены рядами стулья.

ЯВЛЕНИЕ I

Входит Дарьялов во фраке, в белом галстуке, белых

перчатках, но по-прежнему чем-то раздо-

садованный и

озабоченный. За ним идет Прихвоснев, лопоухий господин,

с огромными ноздрями, в пестром платье, с золотой

толстой цепочкой, с перстнями, кольцами.

Дарьялов (почти крича на Прихвоснева).

Что это такое! Я жду, жду вас! Вся внутренность перекипела.

Прихвоснев (разводя руками). Да помилуйте, я вчера в десять часов вечера только получил от вас записку!

Дарьялов. Значит, вы ничего и не сделали? И не привели акционеров?

Прихвоснев. Я сделал, что можно сделать в одно утро: пригласил вон трех чиновников...

Дарьялов (нетерпеливо). Ну!

Прихвоснев. Потом заехал в компанию "Сыродровка" и привел оттуда человек шесть артельных.

Дарьялов. Ну!

Прихвоснев. Да еще, ехавши уже сюда, дорогой дьячка из нашего прихода Христом и богом упросил, чтобы пришел на собрание.

Дарьялов (с досадой). Черт знает, дьячков

каких-то наприглашал!

Прихвоснев (покойно). Дьячок - особа неподозрительная.

Дарьялов. Что ж все это будет стоить?

Прихвоснев (подумав немного). Стоить будет... Мне за утренние хлопоты и за вечер, что сидеть здесь буду, пятьдесят рублей.

Дарьялов. А не жирно ли это будет!

Прихвоснев. Нет-с, не жирно! Я полгорода обскакал... Одна компания "Сыродровка", сами знаете, на краю города; чиновники также все в разных пунктах. Экипаж уж нарочно держу на такие случаи!

Дарьялов. Не для одного же моего дела вы экипаж держите!

Прихвоснев. Как не для одного? Я сегодняшний день, кроме вашего поручения, ничего не успею сделать.

Дарьялов. Успеете и другое многое! Сколько же прочим следует заплатить?

Прихвоснев. Прочим следует: чиновникам менее пяти рублей серебром нельзя дать, а то потом их ни на какое собрание и не докличешься; артельным, конечно, можно заплатить и по три, а дьячку тоже пять.

Дарьялов. Это выходит восемьдесят восемь рублей?

Прихвоснев. Да уж положите на круг сто! Лучше стараться будем!

Дарьялов (с досадой). Сто ему положить! На вес золота скоро вы станете ценить себя! Будет с вас и восьмидесяти! (Проворно вынув из кармана бумажник и вытащив из него восемьдесят рублей, подает их Прихвосневу.)

Прихвоснев (сосчитав деньги). Откуда же я восемь-то рублей возьму? Свои, что ли, прикладывать?

Дарьялов. Откуда хотите! Вы тогда, помните, с госпожой той познакомили меня и порядочно за то получили, а она недавно тягу от меня дала.

Прихвоснев (огорченным голосом). Слышал это я, ветреница этакая! Кто им нынче в душу влезет! Горевать вам, впрочем, много нечего, по пословице: "Было бы болото, а черти будут!"

Дарьялов (усмехаясь). Значит, много этих чертенят?

Прихвоснев. Много... В один мой увеселительный сад сколько их ездит! Вот даже те-

перь со мной несколько фотографических карточек имею, выпросил у некоторых, будто на память себе! Хотите полюбопытствовать?

Дарьялов. Кажите!

Прихвоснев вынимает из кармана несколько

фотографических карточек и подает Дарьялову.

Дарьялов (рассматривая их). Это кто такая, например?

Прихвоснев (с гордостью). Горничная одна.

Дарьялов (внимательно всматриваясь в карточку). Прелесть что такое!

Прихвоснев. Да-с; лучше, пожалуй, другой благородной.

Дарьялов (продолжая рассматривать карточки). А эта толстогубая?.. Точно негритянка какая.

Прихвоснев. Толстогубая эта - дочка статского советника.

Дарьялов. Уж и дочка статского советника. Врет ведь как!

Прихвоснев. Верно, так-с.

Дарьялов. Но это что еще за госпожа? Красками даже себя расписала. Не молодая уж,

видно! И набеленная, должно быть, нарумяненная?

Прихвоснев. Это есть немножко! Подрисовывается! Жена тут одного богатого купца, и женщина, надо полагать, этакая стыдливая, самолюбивая: в сад ко мне ездила по вечерам с одним господином, часу уж в двенадцатом, и то под вуалью.

Дарьялов. Да на кой черт ей сад ваш понадобился?

Прихвоснев. Дома, вероятно, строгонько! Если она с кем очень амурничать начнет, так муж может заметить. А он действительно, как я слышал, человек дерзкий этакий на руку! Пожалуй, ей и амуру ее шею за то намылит, а ведь у меня в саду все шито и крыто! Умерло тут!

Дарьялов (возвращая ему карточки). Что уж про вас и говорить! Благодетель вы человечества. (Звонит в колокольчик.)

ЯВЛЕНИЕ II

На звонок этот является секретарь, молодой еще человек,

крайне мизерной наружности, с глуповатым лицом, но тоже

во фраке, белом галстуке и белом жилете.

Дарьялов (ему). Там собрались акционеры. Опросите их имена и фамилии... Внесите все это в список акционеров и против каждого из них отметьте, что акции были ими представляемы, а также запишите и нашего кучера - у него очень приличная физиономия, - а потом всех их введете сюда и посадите в задние ряды.

Секретарь. Хорошо-с! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ III

Дарьялов и Прихвоснев.

Прихвоснев. Вы нам, Ираклий Семеныч, все-таки маленькую программку дайте, что нам делать, а то мы, чего доброго, собьемся с ролей своих.

Дарьялов. Делать только то, чтобы прошли и были утверждены некоторые мои предложения! Значит, как я сделаю какое-либо заявление и скажу, что кто с этим согласен, пусть тот встает, - так вы сейчас все и вставайте!

Прихвоснев (качая головой). Понимаю-с, понимаю!

Дарьялов. А потом, если что нужно будет сказать за меня и в мою пользу, вы вставайте

и скажите.

Прихвоснев. Это уж конечно! Непременно! Партия поэтому против вас довольно сильная есть?

Дарьялов (даже восклицая). Огромная! Как тигры разъяренные, так и рычат на меня!

Прихвоснев (тоже с одушевлением). Но из кого ж она может состоять? Кто коновод у них?

Дарьялов. Да вот в первую голову этот Абдулка-татарин. Муллу, говорят, какого-то киргизского выписал с доносом на меня.

Прихвоснев. Ах, он, мыло казанское!

Дарьялов. Да, каково это мыло-то казанское! Поддул также и этого армяшку Безхова-Муритского; тот вчера еще заходил и записался с двумя какими-то дураками, на людей даже непохожи, точно черкесы какие!

Прихвоснев (с удивлением). Поди ты, черкесы даже!

Дарьялов. Разумеется, какие-нибудь приятели его, которым он надавал своих акций; но все эти господа мне, черт их деря, мерзавцы они были, мерзавцами и останутся, но кто меня удивил и, как говорится, ранил меня в ду-

шу, так это друг мой и товарищ Эмилька Гайер. Сам, каналья, участвовал в составлении проекта, я ему за то из собственных рук десять тысяч заплатил, а он меня из благодарности припереть к стене теперь хочет!

Прихвоснев (как бы с чувством даже). Но за что же так именно?

Дарьялов. Вот зачем дела компании расстроились. А чем я тут виноват? Пошли такие несчастья. Кто же с богом может бороться?

Прихвоснев (разводя руками). Иаков поборолся с ним, и тот хром вышел!

Дарьялов (подтверждая). И тот вышел хром! Вообще, я вам скажу, все эти восточные человеки да немцы у нас - просто житья с ними нет! Вон русские у меня. Сколько их ни есть акционеров... все молчат, а эти господа, если где грош их затронут, так живого загрызут.

Прихвоснев. Действительно, жадный народ и, главное, дерзкий этакий, дикий, неблагодарный!

ЯВЛЕНИЕ IV

Входит секретарь и за ним акционеры, несколько

артельщиков, три чиновника и кучер Дарьялова.

Секретарь (им). Вы в задних рядах потрудитесь поместиться.

Те несколько робко и неумело садятся.

Дарьялов (Прихвосневу). И им тоже надо рассказать, что они должны делать?

Прихвоснев. Да-с, не мешает немножко растолковать.

Дарьялов (довольно гордо обращаясь к акционерам). Вас, собственно, господа, я прошу не вмешиваться в прения и разговоры, которые тут будут происходить, так как дело это для вас совершенно чуждое; но будет говорить господин Прихвоснев, с которым вы и должны безусловно соглашаться; поэтому, как только я пущу вопрос на голоса и спрошу: "Кто согласен с господином Прихвосневым, тот встает!", - так вы сейчас и вставайте, а когда я буду голосовать мнения других, то вы сидите!

Один из чиновников. Знаем-с эти порядки! Не в первый раз, я даже на прошлой неделе в двух собраниях был! Не ошибемся!

Дарьялов. Пожалуйста! (Прихвосневу.) По-

трудитесь им теперь же раздать следующие деньги.

Прихвоснев (как бы несколько уже и обиженным голосом). Раздам-с, не задержу! (Начинает раздавать.)

Один из артельщиков (Прихвосневу). За что ж, Петр Петрович, нам меньше супротив других? Одно, кажись, станем делать дело!

Прихвоснев. А что ты, чиновник или мужик?

Тот же артельщик. Что ж, что мужик! Мужик разве не человек?

Прихвоснев. То-то, говорят, маленько из другого теста состряпан.

В это время секретарь подходит к Дарьялову

и что-то негромко докладывает ему.

Дарьялов (ему). Хорошо, позовите, я переговорю с ним.

Секретарь кивает головой,

в дверях показывается хожалый.

Хожалый (громким и диким голосом). Здравья желаем, ваше высокородие!..

Дарьялов. Подойди сюда ко мне поближе, любезный.

Хожалый подходит.

Дарьялов. Тут у меня будут пускать акционеров по билетам; не всякий же, понимаешь, может лезть сюда.

Хожалый. Слушаю-с, ваше высокородие!

Дарьялов. Ну, если кто там будет без билета силой врыватья и его станут не пускать, надеюсь, что ты, по обязанности твоей службы, посодействуешь.

Хожалый. Зачем, ваше высокородие, пущать без билетов! Без билетов пущать никуда не велено.

Дарьялов. Потом здесь, собственно, в зале, если выйдет какое замешательство и я вынужден буду позвать тебя - постоять около себя, - ты, сделай милость, не откажись, стой.

Хожалый. Слушаю-с, ваше высокородие!

Дарьялов. Мало ли таких негодяев, которые могут поднять шум, гам...

Хожалый. Шуметь нельзя, ваше высокородие! Нам и начальство приказывает: не позволять шуметь на улице даже, не то что в комнатах.

Дарьялов. Еще бы позволять! Ты поэтому в дверях вот тут и встань, повыставившись

немного, так, чтоб я тебя видел.

Хожалый. Стану, ваше высокородие! (Уходит и становится, как ему приказано.)

Дарьялов (секретарю). Позовите Софью Михайловну, что она там сидит, и Аматурова тоже! Скажите им, что собрание сейчас откроется.

Секретарь уходит.

Прихвоснев (Дарьялову). Это уж не Аполлон ли Алексеич Аматуров?

Дарьялов. Аполлон Алексеич! Он самый!

Прихвоснев. Вот тоже господин насчет прекрасного пола - любитель!

Дарьялов при этом нахмуривается и как бы не слышит Прихвоснева.

ЯВЛЕНИЕ V

Секретарь возвращается, и за ним идут Софья Михайловна и Аматуров.

Дарьялов (по обыкновению грубо и сердито жене). Что ты там сидишь? Не насиделась еще?

Софья Михайловна (садясь на диван). Я думала, что рано.

Дарьялов. "Рано!" Она думала! (Аматурову,

усевшемуся рядом с Софьей Михайловной.) Я вас тоже записал в число членов собрания.

Аматуров. Это с какой стати?

Дарьялов. С такой, что нельзя же, ведь... (Недоговаривает.)

Аматуров (пожимая плечами). Странно! Я вовсе не желал этой чести.

Софья Михайловна кидает на него умоляющий взгляд.

Дарьялов (продолжает). И я вас прошу во всем соглашаться с господином Прихвосневым! (Показывает на него.)

Аматуров при этом только уж презрительно усмехается.

Прихвоснев (раскланиваясь перед Софьей Михайловной). Честь имею рекомендоваться!

Софья Михайловна слегка кивает ему головой.

Прихвоснев (раскланиваясь также и с Аматуровым). Давно не имел удовольствия вас видеть! И не заедете уж нынче никогда!

Аматуров (как бы несколько смущенный его словами). Не все же к вам заезжать. Будет уж!

Прихвоснев. Довольно, значит?

Аматуров. Довольно!

Прихвоснев смеется каким-то подлым смехом

и садится около своей партии.

ЯВЛЕНИЕ VI

В дверях показываются Абдул-Ага в золотой ермолке, в

халате из тармаламы и в туфлях, а за ним

Агей-Оглы-Эфенди, мулла киргизский, в темном халате и

белой чалме.

Абдул-Ага (показывая жожалому кипу бумаг). Ты, барина, не мешай мне. На, нюхай!.. У меня тут пять десятка тысяч! С этими, чай, можно и без билета ходить! (Входит и, садясь в переднем ряду, обращается к мулле, показывая ему на место около себя.) Садись, Агей Оглыч!

Мулла с необыкновенной важностью расаживается около

него. Затем появляются Безхов-Муритский

в умеренно-черкесском костюме, то есть только в

длиннополом чепане и серебряном с чер-

нетью поясе, и

вместе с ним два молодые армянина в настоящих уже

черкесках, с патронташами и даже с кинжалами. Все они

расшаркиваются Абдул-Аге, который им кивает головой и

улыбается. Армяне тоже садятся в переднем ряду. Лица у

всех у них черные и исполнены озлобленного выражения.

Дарьялов (секретарю, показывая на пришедших). Попросите этих господ предъявить свои акции.

Секретарь (подходя к Абдул-Аге и довольно робким голосом). Ваши акции позвольте видеть.

Абдул-Ага. На, смотри, не фальшивые! (Показывает ему акции.)

Секретарь. А акции вашего товарища?

Абдул-Ага. Они тут же! Считай его тут! Их хватит на всех на двух!

Секретарь. Но если они вам принадлежат, господин мулла не может на них участвовать в собрании.

Абдул-Ага. А коли я ему подарю, ты можешь мне запретить то? На, Агей Оглыч, пять тысяч, держи их в руках. Пиши его: мулла Агей-Оглы-Эфенди.

Секретарь (обращаясь к Дарьялову). Можно их записывать?

Дарьялов (пожимая плечами). Запишите, хоть подобных вещей никогда открыто не делается!

Абдул-Ага. Э, барина, открыто делать лучше, чем потайком.

Секретарь (армянам). Ваши билеты?

Те молча показывают ему свои билеты.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и хожалый.

Хожалый (не выступая из дверей, Дарьялову). Там, ваше высокородие, дама с господином просится переговорить с вами.

Дарьялов. Проси!

Хожалый отворяет дверь. Входит Препиратов, молодой еще

человек, со всклокоченными курчавыми волосами, с

выдавшимся вперед лбом и в очках. Он идет под руку

толстейшую г-жу Трухину, которая с заметной нежностью

опирается на его руку. Оба они подходят к Дарьялову.

Г-жа Трухина. Вы господин директор?

Дарьялов. Ваш покорнейший слуга.

Г-жа Трухина. Я вот тоже желаю говорить, но я женщина - не могу того, а я вот доверяю господину Препиратову.

Препиратов (густым басом). Я поверенный госпожи Трухиной.

Дарьялов (Препиратову). То есть как же: на настоящее только собрание или по всем делам госпожи Трухиной?

Препиратов. Я имею полную доверенность от госпожи Трухиной.

Г-жа Трухина. Я им во всем доверяю!

Дарьялов (ей). Прекрасно-с! Но нам все-таки нужно видеть самые акции ваши!

Г-жа Трухина. Я им и акции доверяю; я им доверенность и акции могу доверить! (Подает акции секретарю.)

Секретарь (сосчитав акции, возвращает их Трухиной). Верно-с!

Г-жа Трухина (суя в карман акции, говорит

Препиратову). Вы сядьте рядом, поближе ко мне, а то, пожалуй, украдут у меня билеты эти тут! (Усевшись на один из стульев и ощупывая его.) О, пес, жесткий какой да маленький! словно на кол какой села!

Препиратов (басом). Угодно кресло? (Дарьялову.) Могу даме кресло взять?

Дарьялов. Сделайте одолжение.

Препиратов пододвигает было кресло.

Г-жа Трухина (взглянув на кресло). Ой, нет! Полно! Я увязну тут; лучше на двух стульях посижу... (Садится на два стула.) Посдвинь-ка их полегоньку.

Препиратов осторожно сдвигает под ней два стула.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входит Эмилий Федорович Гайер, рассви- репелый немец. Он

тоже во фраке и белом галстуке и заметно выпивши. При

входе его хожалый делает под козырек, секретарь

вытягивается. Гайер прямо подходит к директорскому столу

и, сев на кресло, вынимает из кармана

большую пачку

акций общества и кладет ее на стол. Рядом с ним

помещается и Дарьялов.

Гайер (не обращая никакого внимания на Дарьялова, встает и с видимым азартом, так что у него щеки даже дрожат, говорит акционерам). Три года, милостивые государи, тому назад я имел честь быть вами избран в директоры! Теперь не хочу оставаться! Я обманут, как болван, как свинья! Господин Дарьялов при начале мне говорил: "Напишите нам проект упрощенного способа выщипки руна из овец!" Я ученый! Я зоолог! Я химик! Я знаю это! Мне, говорит, за то заплатят десять тысяч. Я пишу, проект утверждают, и мне дают не деньгами, а акциями; я иду на биржу, мне там дают за них пять тысяч; я прихожу... "Дайте мне, говорю, остальные деньгами!" - "Подождите, говорят, акции поднимутся, и мы вас выберем в директоры!" Я опять был, милостивые государи (колотя себя в грудь), дурак и свинья великий! Я поверил! Я жду! Иду через год, мне треть за них дают. Иду нынче - ничего! Я вам принес их назад... За-

платите мне деньгами... А не заплатите, я буду иск иметь к господам акционерам!

Препиратов (вдруг вставая и густейшим басом). Требую себе слова!

Дарьялов (качнув ему головой). Разрешаю вам.

Препиратов (сначала откашлянувшись и тем же густым басом). Во всех европейских законодательствах правила для акционерных компаний находятся еще, так сказать, в первичном и начинающем состоянии, так как это явление нового мира, новой цивилизации и новой культуры; но, тем не менее, сколько можно судить по духу всех законоположений, то иски от частных лиц могут быть обращаемы только к запасному капиталу общества или к его имуществу, но никак не к имуществу акционеров! (Поворачивается и снова садится на свое место.)

Гайер (еще более раздраженным голосом). Я знаю-с... Я вот его предъявлю к господину Дарьялову; а теперь говорю: не хочу быть директором больше, и вот вам акции и бумаги все! (Пишет лежащие на столе бумаги и акции.) Я ухожу! (Встает с кресел и садится на

одном из стульев в рядах акционеров.)

Абдул-Ага (ему). Ты, барина, не пошвыривай очень! Это там ваши с ним дела.

Гайер (в окончательном азарте). Да, мои дела!.. Я имею дела! Я у Прохора Прохорыча на пять миллионов заводом правлю... Мне за каждую минуту жалованье платят!

Абдул-Ага. Это дай те бог и больше того! (Дарьялову.) Читай-ка нам, барина, лучше про наши-то дела.

Дарьялов (весь красный, встает и начинает говорить совершенно дрожащим голосом). Милостивые государи! К великому моему прискорбию, действительно я должен заявить почтенным членам собрания, что дела нашего общества находятся в критическом, или, точнее сказать, отчаянном положении. Единственным средством к поправке их или, по крайней мере, к некоторой поддержке цены на акции... это, как я полагал бы с своей стороны... если бы собрание мне разрешило выдать хоть три процента дивиденда из запасного капитала общества, который, не могу скрыть, таким образом иссякнет весь.

Прихвоснев (подмигнув своей партии и

встав). Господин директор, я просил бы вас настоящее ваше предложение голосовать, чтоб узнать мнение большинства.

В это время встает Безхов-Муритский, все что-то писавший и считавший на бумажке.

Безхов-Муритский (останавливая движением руки Прихвоснева). Позвольте-с, я еще прежде желаю говорить! (Подносит исписанную им бумажку к самому почти глазу своему, который у него немножко еще видит, и, слегка потрясывая головой, обращается к Дарьялову.) Три процента дивиденда, я сосчитал, на все акции общества составят семьдесят тысяч! Так?

Дарьялов. Вероятно, так.

Безхов-Муритский (продолжая смотреть в бумажку). В отчете же прошлого года вы печатали, что запасного капитала у нас двести тысяч. Куда же сто тридцать уплыло? (Обращаясь уже к товарищам своим и лукаво им подмигнув единственно видящим глазом.) Так? Куда?..

Те (оба в один голос). Да! Куда?

Дарьялов. Вы не дали мне договорить; я

сейчас хотел объяснить, что деньги эти издержаны мной по случаю ужасных несчастий, постигших прошедший год наше предприятие: у нас сторел завод и все хозяйственные при нем учреждения.

Гайер (гордо державший ногу на ноге и с каким-то презрением слушавший Дарьялова). Врете! Это не несчастье; завод был застрахован. Это еще польза обществу.

Дарьялов. Он застрахован был в весьма маленькой сумме.

Гайер. Врете, в большой! Я-то уж это знаю.

Дарьялов (только при этом пожимает плечами и снова продолжает свою речь). Потом недостача шерсти! А между тем я исполнял контракты и, чтобы не подвергаться взысканию неустоек, должен был шерсть перекупать из вторых и из третьих рук.

Безхов-Муритский (все еще стоявший на ногах и державший ухо по направлению к Дарьялову). Отчего же вы при таких несчастьях не созвали собрания, не заявили их и не испросили на ваши действия согласия общества?

Дарьялов. Я не мог этого сделать потому,

что встретил их на месте, в степи, в орде ко-
чующей.

Абдул-Ага (вставая). Э, полно, барина, на
степь-то воротить! Степь тут ни при чем! Ты
вон в писулечках своих... читали мне в трак-
тире... пишешь, что у тебя шерсти не хватило
и овцы переколели. Сколько их у тебя коле-
ло?

Дарьялов. Сто тысяч.

Абдул-Ага. Много это, много! Верно ли ты
сосчитал?

Дарьялов. Верно! Я сам два раза заболел
этой ужасной болезнью. (Показывая на свою
руку.) Вон следы выжигов.

Абдул-Ага. Да хранит тя бог! Сколько же ты
продал овцы мулле? (Обращаясь к мулле.)
Агей Оглыч, сколько ты компанейской овцы
купил?

Мулла (вставая). Компанейска овца мы ку-
пили пятьдесят тысяч.

Дарьялов. Вы могли и сто тысяч купить на
базаре.

Мулла. Нет, вся компанейска овца была
начисто.

Абдул-Ага (мулле). Кажи-ка шкурку-то, что

привез.

Мулла (вынимая из-под полы халата овечью шкурку и поднимая ее на глаза всех акционеров). Это тавро компанейское.

Дарьялов (совершенно растерявшись). Но может быть, и не компанейское!

Абдул-Ага. Кажи тавро правленское - слышим.

Дарьялов. Правленское тавро затеряно.

Гайер. Покажите мне шкурку.

Ему показывают ее.

Гайер. Компанейское тавро.

Абдул-Ага (Дарьялову). Так, барина, честные господа не делают.

Дарьялов (выйдя, наконец, из себя). Позвольте, господа, что такое: следствие, что ли, здесь надо мной производят, или я председательствую в собрании? Я желаю голосовать вопрос: угодно ли собранию разрешить выдачу дивиденда из запасного капитала или нет? Кто разрешает, тот встанет.

Прихвоснев и вся его партия мгновенно встают.

Безхов-Муритский (взглянув на вставших акционеров). Мы ихняго вставанья слушаться

не будем. (Дарьялову.) Вон кучеров-то ваших нагнали! Я слеп, да вижу: он у меня сначала жил и к вам перешел, подтасовщик вы этакый и жулик!

Дарьялов. Вы не смеете мне так говорить!

Безхов-Муритский. Говорить я и не буду! А я вас палкой буду бить! (Стучает палкой своей об пол и затем обращается к товарищам своим, тоже вскочившим на ноги.) Палками его надо бить!

Те (хватаясь за кинжалы). Мы вас палками и кинжалами будем бить!

Дарьялов. Кинжалами я вам не позволю бить! Эй, хожалый, шумят здесь!

Хожалый (входя). Господа, кричать не велено!

Безхов-Муритский. Я буду кричать! Он наши деньги все разворовал!

Дарьялов. Денег ваших я не разворовывал: я сам нищий! А когда вы так бесчинствуете, я закрываю собрание! (Встает и идет к дверям во внутренние комнаты.)

Все армяне (следуя за ним). Нет, погоди! Мы тебя палками будем бить!

Хожалый (растопыривая пред ними руки).

Позвольте, господа, шуметь и буянить нельзя!

Все армяне (в один голос). Мы будем буянить!

Дарьялов в это время скрывается за дверь, а хожалый

становится для защиты ее спиной к ней. Начинается

всеобщий шум.

Трухина (подойдя к Софье Михайловне). Вы теперича, говорят, супруга ихняя! Вы им должны сказать, пошто же они нам этикие подлости делают.

Софья Михайловна (все время с большим волнением следившая за ходом собрания и по временам почти страстно взглядывавшая на Аматурова, встав, наконец). Ничего я не знаю! (Аматурову.) Аполлон Алексеич, спасите меня!

Аматуров (тоже вставая). Пойдемте.

Абдул-Ага (показывая армянам на Софью Михайловну). Хоть бы барыньку-то маненько аманаткой задержать!

Аматуров (поднимая кулак). Убью всякого, кто подойдет ко мне!

Прихвоснев (тоже охраняя Софью Михай-

ловну). Так, господа, поступать с дамой нельзя-с! Нельзя!..

Оба они уводят ее в ту же дверь, в которую скрылся и

Дарьялов. Шум еще более усиливается; одновременно армяне схватываются с Прихвосневым.

Прихвоснев (им кричит). Мало ли, господа, с кем может быть несчастье: пожар... сибирская язва!

Армяне (тоже кричат). Мы ему дадим "сибирская язва"! Ты сам мошенник, коли за него.

Прихвоснев. Я не мошенник, я держусь только справедливости.

Один чиновник (толкует другому). Помилуйте, не дали ни одного вопроса голосовать! Где же это бывает?

Гайер (в свою очередь кричит на него). Как вы смеете голосовать, когда вы все купленные!

Тот же чиновник. Просим вас не обижать нас: мы чиновники.

Гайер. Чиновники вы - хуже сапожника!

Абдул-Ага (кричит). Тавро компанейское...

Вся овца компанейская была!

Мулла (кричит ему в ответ). Компанейская вся!

Хожалый (охраняя по-прежнему дверь, кричит с своей стороны). Господа, не шумите, пожалуйста, а не то я свисток дам: стражу позову!

Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ III

Небольшая, но очень мило убранная гостиная.

ЯВЛЕНИЕ I

На среднем диване пред круглым столом, на котором стоит

прекрасный дорогой букет в вазе, сидит Софья Михайловна

в шелковом платье и нарядном головном уборе. Она стала

еще красивее, но заметно похудела и невесела. В этот

день ее именины. На креслах помещаются приехавшие с

поздравлением: юный Блинков, с очень маленькими усиками,

пухлый, румяный и, как следует для утрен-

него визита, в

черном сюртуке, и Прихвоснев, тоже какой-то вымытый,

причесанный и также в черном сюртуке и даже в лаковых

сапогах с пуговицами. Оба они заметно модничают и

тонируют.

Блинков (Софье Михайловне, слегка пришептывая). Вы изволили слышать Патти?

Софья Михайловна. Уж три раза слышала! Я абонирована.

Блинков. Прекрасная певица, не правда ли?

Софья Михайловна. Превосходная!

Прихвоснев. Не нравится мне, господа, ваша Патти, что угодно!

Софья Михайловна. Почему же?

Прихвоснев. Души нет в пении!

Софья Михайловна. Как нет души в пении? Поет так божественно, собой прелестна!

Прихвоснев. Это так-с, собой прелестна; но чувства в голосе не слышать. Как ее можно сравнить с Виардо; у той точно, что душа лилась в каждом звуке. Как это она пела: "Я все

еще его... пламенно, что ли, люблю!" И этак, знаете, не совсем тоже чисто выговаривала по-русски, - прелесть что такое!

Софья Михайловна. В котором же это году была здесь Виардо?

Прихвоснев. В пятьдесят третьем! Я старинный театрал!

Блинков (показывая на Прихвоснева). Он сам в балетах танцевал; танцмейстером был!

Софья Михайловна (с удивлением). Вы?

Прихвоснев (немного сконфуженный). Да-с, по балетной части служил! Но всегда как-то к театральной службе не имел расположения, особенно в то время: строго очень было и невыгодно! Я как тогда получил маленькую возможность бросить это дело, так сейчас же и бросил!

Блинков. Он в балетах только чертей и играл, ничего другого не давали неловок очень!

Прихвоснев. Не одних чертей, а и маркграфов иногда изображал! (Обращаясь к Софье Михайловне и, видимо, желая переменить тему разговора.) Супруг ваш так-таки совсем и уехал отсюда?

Софья Михайловна. Он не то что уехал: он

бежал! Его, говорят, хотели убить эти армяне или в тюрьму посадить - не знаю уж!

Прихвоснев. А вас так и кинул без всяких средств?

Софья Михайловна. Кинул без всяких средств. Даже всю посуду, всю мебель продал заранее, и, когда я проснулась поутру после его отъезда, приходят купцы и все взяли.

Прихвоснев (как бы рассердившись даже). Фу ты, боже ты мой!.. Муженьки нынче какие, хуже посторонних, право!

Софья Михайловна на это промолчала.

Прихвоснев (размышляющим уже тоном). Как у вас умения хватило поустроиться потом?

Софья Михайловна и на это ничего не ответила. Блинков

при этом как бы несколько краснел и старался смотреть по сторонам.

Прихвоснев (тем же размышляющим тоном). Да-с, да!.. Жизнь человеческая! Кто знает, как и в какую сторону она повернет!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Надя в чистеньком платьице, в хо-

рошеньких

ботиночках, причесанная. Она принесла на подносе две чашки кофе и сухари.

Надя (подавая Прихвосневу первому, с усмешкой). Здравствуйте, Петр Петрович!

Прихвоснев (тоже с усмешкой). Здравствуйте, сударыня, здравствуйте! (Софье Михайловне, показывая ей на Надю.) Именинница тоже сегодня!

Софья Михайловна. Да! А вы разве знаете ее?

Прихвоснев. Как мне не знать-с, я вам ее и поставил. Аполлон Алексеич тогда заехал ко мне и говорит: "У Софьи Михайловны нет горничной, пришлите к ней какую-нибудь понадежнее".

Надя (подавая не без кокетства кофе Блинкову). Сухарей прикажете-с?

Блинков. Нет, благодарю.

Надя, подняв гордо головку, уходит.

Блинков (Софье Михайловне). Какая у вас горничная хорошенькая!

Софья Михайловна. Очень хорошенькая...

Прихвоснев (Софье Михайловне). Но до-

вольны ли вы ею? Это главное.

Софья Михайловна. Пока довольна. А я и не знала, что вы прислугу рекомендуете.

Прихвоснев. Несколько уж лет этим занимаюсь, и у меня это на твердых основаниях устроено: как пришел кто из прислуги и записался, я первый вопрос ему: "Где изволил жить?" А потом через одного человека и разведваю, как и что он, а потому пьяницу, или вора, или с какими-нибудь другими качествами уж я не пришлю!

Блинков. Присылаете и вы. Рекомендовали же нам лакея, он через неделю все столовое серебро украл у нас.

Прихвоснев (как бы даже вспылит). Это-с не он украл, а прежняя ваша прислуга, вот что-с! А на него, как на нового человека, свалили.

Софья Михайловна. Но сколько же дел у вас? Вы и в акционерных собраниях... Помните это ужасное у мужа собрание? Потом мебель мне страховали.

Прихвоснев. Агент-с я там! Я, собственно, агентирую по разным отраслям.

Софья Михайловна. Наконец, у вас сад и

кофейная ваша эта "Русская забава"! Так, кажется, она называется?

Прихвоснев. Так-с. Нарочно, знаете, в русском духе ее назвал для привлечения купечества, а в сущности это *salle de danse**, публика приедет, танцуют, выходят, одни - в сад, другие - в соседние комнаты!.. Кто требует себе прохладительного! Кто водочки выпьет! Кто закусит!

* танцевальный зал (франц.).

Софья Михайловна. И публика порядочная бывает?

Прихвоснев. Отличная-с, первый сорт! (Показывая на Блинкова.) Вот он со своими друзьями каждый раз бывает.

Софья Михайловна (Блинкову). И весело вам там?

Блинков (как-то глупо смеясь). Не знаю-с, как другим, а нам весело! (Показывая на Прихвосневу.) Ему только счастья нет от газет! Пишут, что у него в саду ему же самому студенты бока намяли...

Прихвоснев (опять всплыв). Что это за вздор какой вы повторяете! Не стыдно ли

вам! Когда это было, в какое время?

Блинков. Я не знаю. Вы же судились и на суде еще заперлись и сказали, что никогда этого не было.

Прихвоснев. Да, сказал, потому что действительно не было.

Софья Михайловна (наивно). Чего же не было?

Прихвоснев (несколько заминаясь). Того, что я будто бы действием был оскорбляем. Это все выдумал господин писачка, который, прямо уже теперь скажу, приходил ко мне и просил двадцать пять целковых. Я ему не дал, вот он и написал на меня. Он еще погоди: я его притяну к суду; он посидит в Титовке! (Софье Михайловне.) Не верьте, сударыня, все это клевета, и вы не будете ли так добры, не посетите ли вы мой сад?

Софья Михайловна. Аполлон Алексеич несколько раз меня звал; может быть, как-нибудь соберусь и приеду.

Прихвоснев. Сделайте милость! Билетов прошу не брать, а даром, и увидите, что у меня все чинно, прилично и на благородную ногу.

Блинков (Софье Михайловне). Когда вы будете, то позвольте пригласить вас на две кадрили и на мазурку.

Софья Михайловна (улыбаясь). Хорошо!

Блинков (раскланиваясь пред ней). А теперь имею честь кланяться.

Софья Михайловна (протягивая ему руку). Прощайте! Мерси за букет.

Блинков. Если вам угодно, я другой еще привезу.

Софья Михайловна. Нет, благодарю; я до цветов не большая охотница!

Блинков (Прихвосневу). До свидания!

Прихвоснев (ему). Обед в "Славянском базаре" не забудьте, я не прощу вам его!

Блинков (смеясь). Не знаю, будете ли еще стоять! (Вторично раскланивается с Софьей Михайловной.) Мой поклон, madame! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ III

Софья Михайловна и Прихвоснев.

Софья Михайловна. За что это вы с него обед в "Славянском базаре" требуете?

Прихвоснев (смеясь). Да так, дурачимся! Счета разные с ним имеем! (Более уже серьез-

ным тоном.) Прекраснейший молодой человек!

Софья Михайловна. А он, однако, все что-то над вами подтрунивал?

Прихвоснев. Манера этакая глупая, купеческая; но все-таки должен сказать: ангельской души мальчик и при этом страшно богат.

Софья Михайловна. Он, мне кажется, очень недалек?

Прихвоснев. Ай, нет-с, напротив! В языке только не чист, а умный и, главное, любознательный; за границу нынешним летом сбирался было ехать, да тут грех с ним маленько случился.

Софья Михайловна. Какой грех?

Прихвоснев. Обыкновенно какой у молодых людей грех бывает: влюбился!

Софья Михайловна. Вот как! В кого же это он влюбился?

Прихвоснев. В вас!

Софья Михайловна (удивленная и пораженная). В меня?

Прихвоснев. Да-с! До безумия! До сумасшествия! Ночи все не спит... Нервы даже расстроил себе! Водой теперь лечится.

Софья Михайловна. Но где же он мог влюбиться в меня? Он всего два раза или три был у меня.

Прихвоснев. Страсть мгновенно людьми овладевает! Плачет иногда, бедный! Жаль даже его!

Софья Михайловна (усмехаясь и слегка качая головой). В таком случае я еще больше убеждаюсь, что он глуп. (Покраснев немного.) Разве он не знает, что я люблю другого человека?

Прихвоснев. Как не знать-с? Знает. Я даже говорил ему об этом, вы уж извините меня!

Софья Михайловна. Я нисколько этого и ни от кого не скрываю.

Прихвоснев. Что тут скрывать! Говорю ему, что вот что... "Что ж, говорит, этот другой не стоит любви Софьи Михайловны".

Софья Михайловна (по-прежнему усмехаясь). Почему же он не стоит моей любви?

Прихвоснев (замявшись немного). Потому что сам, что ли, не любит или мало вас любит...

Софья Михайловна. Из чего же Блинков заключает, что Амуров мало меня любит?

Прихвоснев (еще более запинаясь). Да там я не знаю; изменяет, что ли, вам...

Софья Михайловна. Мне Аполлон Алексеевич изменяет?

Прихвоснев. Блинков говорит, что изменяет.

Софья Михайловна. А как же Блинков может знать это?

Прихвоснев. Знает уж, видно! Не скрывают в этом случае мужчины друг от друга.

Софья Михайловна (побледнев). Послушайте, Прихвоснев, вы шутите это или нет?

Прихвоснев. Сударыня, смел бы я шутить? Я, конечно, глупо сделал, что сказал вам... Теперь вас только обеспокоил...

Софья Михайловна (с рыданием в голосе). Нет, вы хорошо сделали, что сказали мне! Вы, как честный человек, должны были это сказать! Я сама замечала: он постоянно куда-то рвется от меня, куда-то все ему надо... Говорите, изменяет он мне или нет?

Прихвоснев. Ей-богу, сударыня, не знаю!

Софья Михайловна. Нет, вы знаете это! Вы должны это знать! Я на коленях вас буду умолять, буду целовать ваши руки! Ну, добрый,

милый Прихвоснев, говорите! (Старается взять его за руки.)

Прихвоснев. Что мне вам говорить, ей-богу!

Софья Михайловна. Умоляю вас, умоляю! Иначе я с ума сойду. У меня уж голова обесчувственела... Вот она, ничего не чувствует!.. Ничего! (Хватает себя за голову и вся дрожит.)

Прихвоснев (не на шутку струсивший). Ну, извольте, сударыня, я скажу вам... Только вы после, как-нибудь в сердцах, не скажите Аполлону Алексеичу, что от меня слышали.

Софья Михайловна (стремительно). Никогда! Клянусь вам: никогда! (Как бы машинально беря его за руку и выводя его на авансцену.) Если бы пытку мне даже делали, на медленном огне меня жгли, я никому не проговорюсь, что это вы мне сказали. Я скажу, что по городской почте мне написали... Говорите, есть у него любовница?

Прихвоснев (с грустью пожимая плечами). Есть.

Софья Михайловна (по наружности как бы твердым и спокойным голосом). Кто она такая?

Прихвоснев. Да так, обыкновенная.

Софья Михайловна. Наемная, значит.

Прихвоснев. Неужели из любви! Квартиру ей нанимает. Пожалуй, не хуже этой.

Софья Михайловна (с каким-то пылающим уже взором). Значит, когда я была больна, когда я умирала, он за всю-то любовь мою к нему ни одного вечера не хотел просидеть у меня, говорил, что ему по делам надо, - это он к ней ездил?

Прихвоснев. Без сомнения-с. Пирь даже задал там. Приедет со своими приятелями... Те тоже со своими аманками. Кутят. Песни поют. Бывал я иногда у них на этих собраниях.

Софья Михайловна (как бы смеясь). Вот что, как он веселился! Но только я теперь постараюсь сделать, чтобы ему не было уж больше весело там! Поедемте сейчас же и проводите меня к этой моей сопернице. Я хочу ее видеть!

Прихвоснев. Полноте, сударыня, как это вам не стыдно: унижать себя и ехать к какой-нибудь дуре! Браниться, что ли, вы с ней будете!

Софья Михайловна. За что я буду с ней браниться? Чем она тут виновата? Я только хочу посмотреть, хороша ли она? Лучше ли она меня? Потому что я знаю, что я еще красивее многих женщин! (Глаза ее при этом полны слез.)

Прихвоснев. Где ж ей быть, помилуйте, против вас!

Софья Михайловна. Так за что же он предпочел ее мне? Может быть, она больше и сильней его любит, чем я. В таком случае я предостерегу ее, несчастную! Я скажу ей, что этому человеку ни души, ни сердца женского не надо. Я тоже любила его глубоко! Я жизнью готова была для него пожертвовать; но он ничего этого не оценил и ушел к другой женщине! Что же это такое? Прихоть! Разврат! Пусть эта госпожа знает, какой он негодяй и чувственник!

Прихвоснев. Госпожа эта очень хорошо все это знает и нисколько об этом не беспокоится. Вы-то по благородству чувств ваших судите по себе...

Софья Михайловна (колотя себя в грудь). Да! Я сужу по себе... В продолжение трех лет

я в мыслях даже не подумала не только что разлюбить его, но даже немножко охладеть к нему, а он-то, он-то!.. Боже мой! Надя, дай мне бурнус и шляпку! (Уходит в соседнюю комнату.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Прихвоснев (почти в отчаянии разводя руками). Влопался теперь в эту историю - беда! И не расхлебаешь! А все этот дурак Блинков! Пристал, как с ножом к горлу: "Скажи да скажи про Аматурова Софье Михайловне: это скорей дело подвинет!" Вон оно как подвинуло! Баба бешеная, вцепится Аполлону Алексевичу в глаза; он как-нибудь узнает или догадается, что я тут маненько химостил, и живой от него не уйдешь! Не смешно было бы, если б еще выгода какая-нибудь особенная открывалась, а то вздор: разве вот этот обедешко в "Славянском базаре". Очень он мне нужен!

ЯВЛЕНИЕ V

Софья Михайловна в бурнусе и шляпке.

Софья Михайловна. Поедемте, покажите мне дорогу. Я продам мои вещи и брильянты и заплачу вам за это.

Прихвоснев (следуя за ней с понуренной

головой, недовольным голосом). Ничего, сударыня, мне не надо! Миллионов бы не взял за это!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Надя (проворно выбегая из соседней комнаты). Батюшки, я не спросила барыню, скоро ли она приедет! (Отворяет окно и кричит.) Софья Михайловна, вы когда приедете, если спросит Аполлон Алексеич? Ну, и не отвечает ничего! Сердитая такая отчего-то! Но куда это она поехала? В город, должно быть, закупить что-нибудь для вечера. У меня самой сегодня бал будет. Шоколаду купила, стану шоколадом всех поить. Удивляюсь я, как это другие девушки простую водку пьют, я даже виноградного вина не могу; зато конфет или фруктов сколько хотите съем... Пуд бы, кажется, съела, если бы кто подарил! (Слышится звонок.) Аполлон Алексеич, верно, это приехал!..

Бежит отворять.

ЯВЛЕНИЕ VII

Входит проворно Аматуров,

а за ним возвращается и Надя.

Аматуров. Софьи Михайловны дома нет, и

прекрасно! (Наде.) Пожалуйста сюда поближе ко мне.

Надя подходит.

Аматуров (подавая ей небольшую коробочку). Прошу принять и не побрезговать!

Надя (с недоумением). Что такое, барин?

Аматуров. Брошка и сережки с брильянтками на именины тебе.

Надя (вся вспыхнув). С какой же стати это, барин?

Аматуров. Так, подарить хочу.

Надя. Да, барин, я и надеть не буду сметь. Вдруг Софья Михайловна спросит меня, где я взяла. Я скажу, вы подарили. Она бог знает что может подумать.

Аматуров. Кто ж тебя заставляет сказать, что я подарил! Разве кто-нибудь другой тебе не мог подарить?

Надя. Это так, барин, но все как-то опасно...

Аматуров. Нечего, нечего! Клади в карман!

Надя кладет коробочку в карман себе.

Аматуров. Ну, а теперь еще я, моя прелестная, желаю с тобой переговорить: неужели тебе не противно жить в горничных?

Надя. Что уж, барин, хорошего! Точно, что

самая противная должность!

Аматуров. Но ведь ты портниха?

Надя. Портниха-с; но нам у хозяев, пожалуй, еще труднее жить-с. У меня даже грудь начала болеть, сидишь все согнувшись...

Аматуров (перебивая ее). Я тебе не про хозяйку и говорю, а открой сама свою мастерскую. Полюби какого-нибудь человека с состоянием, он тебе купит швейную машину, даст на первое обзаведение и потом слегка станет тебя поддерживать - и живи, значит, на своей воле.

Надя. Разве, барин, такого человека на улице, что ли, найдешь...

Аматуров. Да полюби меня, я тебе все это сделаю!

Надя. Вы? Ха-ха-ха! Вот это отлично, бесподобно! А барыню как же вы будете любить? Она по вас жива сторела!

Аматуров (вздыхнув). Что делать, барыню я разлюбил! С сердцем своим не совладаешь.

Надя (качая головой). Ах, вы, мужчины, мужчины гадкие!

Аматуров. Может, и гадкие! Но как же, полюбишь?

Надя. Нет, барин, никогда не буду согласна на это.

Аматуров. Почему?

Надя. Потому, барин, что я лучше замуж пойду за равного себе.

Аматуров. За какого за равного?

Надя. Хоть за какого-нибудь клубского лакея; он станет служить, а я буду жить на квартире.

Аматуров. И будет к тебе этот клубский лакей приходить каждый вечер и колотить тебя.

Надя. Ну, а то, что вы, барин, говорите, разве лучше? Мало ли нас, дур, от того погибает!

Аматуров. Это уж извини; я тебя не погублю, потому что это не простое волокитство с моей стороны, а я влюблен в тебя самым искренним образом.

Надя (усмехаясь). Мне, барин, смешно даже слышать, как вы говорите, что вы влюблены в меня. Вы вот любите барыню мою... Кучер ваш рассказывал, что у вас есть где-то там еще другая барыня.

Аматуров. Положим, что я люблю твою барыню и что есть еще у меня где-нибудь другая

барыня; но если я всех их брошу для тебя?

Надя. Не бросите, не посмеете! Это не то, что нашу сестру.

Аматоров (прижимая руку к сердцу). Уверяю тебя честью...

Надя. А когда бросите, тогда и видно будет, а теперь я и разговору такого не хочу иметь с вами! Адье-с, мусье! (Кокетливо приседает ему и проворно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Аматоров (оставшись один и как бы размышляющим несколько тоном). Ушла! Что это значит? В самом ли деле она grude* этакая или просто плутовочка; но как бы то ни было, удивительно, что у меня за характер: девочка эта сделалась теперь венцом всех моих желаний! Я полсостояния готов истратить на то, хотя наперед знаю, что она скоро наскучит мне; потому что, как делают вон другие мужчины, любить долго одну женщину я никогда не мог, скорей бы застрелился! И теперь вот еще черта у меня: Софью Михайловну я разлюбил совершенно; ее ласки и нежности просто невыносимы мне, но попробуй она сама отстранить меня от себя или, что еще хуже

того, полюбить другого, мучиться ведь буду... терзаться... ревновать стану... мстить даже готов!

* недотрога (франц.).

ЯВЛЕНИЕ IX

Входит Софья Михайловна.

Выражение лица ее почти ужасное.

Аматуров (увидев ее). А, вот и дорогая именинница наша! Поздравляю вас с днем вашего ангела!

Софья Михайловна (слегка кивая ему головой). Очень вам благодарна!

Садится на диван и отворачивается от Аматурова. На

глазах ее, несмотря на строгое выражение их, искрятся

слезы.

Аматуров (все это заметивший и уже несколько смущенным голосом). А насчет подарка, извини, мой ангел! Какой случай вышел! Третьего дня я заехал к ювелиру; вижу, один браслет - чудо что такое, в середине яхонт, а кругом на золотых цветочках изумруды. Денег со мной не было, а он довольно

ценный, так что я решился заехать на другой день. Вообрази: приезжаю, а его уже купили... Я, впрочем, заказал тебе сделать точно такой же... Ты, надеюсь, подождать можешь?

Софья Михайловна. Отчего ж не подождать! Могу, могу... (Как-то странно смеется.)

Аматуров (это тоже заметивший и садясь на довольно отдаленное от Софьи Михайловны кресло, тем же смущенным голосом). Теперь-с второе дело, и опять денежное: милейший супруг ваш бог знает до какой наглости дошел... Слышу ото всех, что он там богатеет, и вдруг вчера получаю от него письмо, в котором он почти приказывает мне немедленно выслать ему на какую-то временную перевертку шесть тысяч рублей серебром. Не говоря уже о том, что я никогда бы и ничем не желал ссужать подобного господина, но теперь даже лишен возможности сделать это, потому что наличные деньги, какие у меня были, я все ему отдал, а больше у меня таковых не имеется!

Софья Михайловна. И не посылай! Кто ж тебя заставляет?

Аматуров. Прекрасно-с; но если он тебе

начнет за это делать неприятности?

Софья Михайловна (гордо взмахивая на него глазами). А тебе что за дело до того?

Аматуров. Дело, потому что мне твое спокойствие дорого.

Софья Михайловна. Спокойствие мое дорого вам? А я и не знала этого! (Опять как-то странно смеется и постукивает ногой.)

Аматуров. Но что ж тут смешного и что у тебя за тон сегодня? Сердишься, что ли, ты на меня за что-нибудь?

Софья Михайловна. Спроси свою совесть, есть ли мне за что на тебя сердиться или нет, да сам и отвечай на этот вопрос!

Аматуров. Спрашиваю и решительно отвечаю, что не за что: я сегодня такой же, каким был и вчера.

Софья Михайловна. Да, я знаю, что ты сегодня такой же негодяй, каким был вчера и третьего дня!

Аматуров (перебивая ее). Софья Михайловна, остерегитесь в ваших выражениях!

Софья Михайловна. Таким именем тебя назовет еще и другая женщина! Я сейчас была у другой твоей любовницы! На, смотри, кому

ты дарил этот портрет! (Показывает Аматорову его фотографический кабинетный портрет.) Она также не хочет держать его у себя и пускать тебя к себе.

Аматоров (сильно смущенный). Я в этом несколько не нуждаюсь!

Софья Михайловна. Не лги уж, пожалуйста! Ну, разлюбил, приди скажи! По крайней мере, честным человеком бы остался; но в тебе даже откровенности ко мне, искренности в отношении меня не было.

Аматоров (несколько оправившись). Позвольте, Софья Михайловна! Искренности и в вас в отношении меня никогда не было.

Софья Михайловна. Где? В чем? Говори!

Аматоров. Да вот с пустяков взять: вон на столе у вас букет стоит. Я не ревную и не спрашиваю, кто вам его подарил.

Софья Михайловна. Напрасно! Я тебе сейчас скажу: букет этот подарил мне молодой Блинков, страстно в меня влюбленный.

Аматоров. Вот видите, что оказалось на поверку, да и в другом во многом...

Софья Михайловна. В чем еще другом? Говори!

Аматуров. Что ж говорить? Я никогда не хотел напоминать вам об этом.

Софья Михайловна. Нет, я требую, чтобы ты напомнил, если уж начал!

Аматуров (как бы сам с собой). Хороша искренность! В то время, как бог знает в какой любви меня уверяли, вы отличнейшим образом действовали в пользу кармана своего супруга. Вы думали, что я не понял ничего этого; но я, к несчастью, все это уразумел.

Софья Михайловна. Да, действовала в пользу кармана своего супруга! Но знаешь ли ты, жадный скупец, отчего и почему я это делала? Я делала это, чтобы спасти любовь нашу: еще накануне муж хотел услатить меня в деревню и разлучить нас, а я тогда жить без тебя не могла, да полагаю, что и ты тоже.

Аматуров. Если жить без меня не могли, то гораздо бы проще было прямо уехать от мужа.

Софья Михайловна. Конечно! Так бы вот он сейчас и пустил меня! Смирненького какого нашли! Он бы и через полицию вытребовав меня к себе. Впрочем, я все-таки сознаюсь, что я тут подло и бесчестно поступила,

но я не знала вас: я думала, что я дороже для вас тридцати тысяч, в чем прошу у вас извинения, а еще более в том, что и потом продолжала обременять вас собою и жить на ваш счет, чего уж, конечно, теперь ни одной минуты себе не позволю! Надя!

ЯВЛЕНИЕ X

Надя, все время подслушивавшая у дверей, вбегает.

Софья Михайловна. Поди принеси мне из спальни мою красненькую коробочку.

Надя уходит.

Софья Михайловна (Аматурову). Ничего не беру из вашей квартиры, возьму только свои приданные брильянты и еще раз прошу у вас прощенья, что заставила вас тратиться на себя.

Надя возвращается и подает Софье Михайловне ящичек.

Софья Михайловна (ей). Поди найми мне извозчика! Недалеко тут в номера!.. Я сейчас туда переезжаю.

Аматуров (желая ее успокоить). Софья Михайловна, перестаньте же безумствовать и глупости делать! Если действительно была с

моей стороны маленькая ветреность, то, заверяю вас, она уж более не повторится! Помиримтесь! (Хочет было приблизиться к ней.)

Софья Михайловна (отстраняясь от него). Не подходи или иначе я убью тебя!

Аматуров. Ну, убивайте, когда хотите. (Подходит было к ней.)

Софья Михайловна (кидая в него портрет). На, вот тебе портрет твой отвратительный!

Аматуров (отскакивает от нее). Сумасшедшая женщина!

Софья Михайловна (с окончательно раздувшимися ноздрями, Наде). Найми извозчика и поедем со мной!

Аматуров (Наде, тоже взбешенным голосом). Не ездь, Надя, оставайся здесь, и уж не служанкой, а барыней!.. Это все и вся квартира принадлежат тебе, и три тысячи годового дохода.

Софья Михайловна (строго Наде). Едешь или нет?

Надя (со слезами в голосе). Барыня, я в номерах жить не могу!

Софья Михайловна. Ха-ха-ха! И тут уж есть! (Быстро поворачиваясь к Аматурову.) Человек

ты или зверь? Ты исключенье из людей! Чудо-вище какое-то!.. Что же это такое, господи?! (Поднимает в ужасе руки.)

Аматоров, обозленный, стоит на одной стороне авансцены,

а Надя, очень смущенная, на другой.

Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ IV

Общественный сад с отдельными столиками и плетеными

стульями около них. На заднем плане виднеется довольно

красивое в русском вкусе здание с надписью "Русская

забава". В саду около кустов стоят несколько лакеев в

вытертых черных фраках и с металлическими номерами на

груди. Летний вечер.

ЯВЛЕНИЕ I

Блинков в модном пиджаке и Прихвоснев в летнем гарусном

пальто и соломенной шляпе сидят около столика,

ближайшего к авансцене на правой стороне

не.

Блинков (по обыкновению, слегка пришеп-
тывая). Сколько времени уж, брат, прошло, а
дело на аршин не подвинулось!

Прихвоснев (поучительным тоном). Терпе-
ние и терпение!

Блинков. Пожалуй, терпи! Она вон все пла-
чет!

Прихвоснев. Непременно-с должна пла-
кать.

Блинков. Стало быть, она по этом Аматуро-
ве плачет?

Прихвоснев. Нисколько-с, нисколько!

Блинков. О ком же она плачет?

Прихвоснев. О своем положении! Вы не
знаете, а я ей последние брильянтишки ее
продал! И она сегодня приедет сюда за деньга-
ми.

Блинков (уже горячась). Кто же ее застав-
ляет? Разве я не могу ей помочь и держать на
всем готовом?

Прихвоснев. Вона какую маленькую штуку
выдумал: "держать на готовом"! Она не про-
стая девушка, а женщина благородного зва-
ния, свой гонор и амбицию имеет!

Блинков. А отчего она у Аматурова жила на его счет?

Прихвоснев. То другое-с было! По любви началось! А потом, когда случай такой вышел: муж бросил! Теперь же думает: любила одного, но тут выходит, надо любить другого - как этому вдруг сделаться! С какой-нибудь Надей, спросите-ка Аматурова, сколько он хлопотал! Сначала ни квартиры, ни вещей Софьи Михайловны, ни даже жалованья в три тысячи целковых брать не хотела, ушла от него, и только уж месяца через три, как ей очень невтерпеж пришлось жить в горничных, мы разными ее катаньницами, гуляньницами и винцом сладким сманили...

Блинков. Меня, значит, Софья Михайловна уж и не полюбит никогда?

Прихвоснев. Да полюбит! Господи, погодите немножко! Она мне сама говорила: "Я в него еще всматриваюсь, серьезное ли он чувство ко мне имеет".

Блинков. Еще бы не серьезное, мне ничего не жаль для нее!

Прихвоснев. Знаю-с! Но вот она увидит это, поймет и оценит! Кто-то, однако, приехал!

(Глядит вдаль.) Батюшки, Аматуров с Наденькой своей! (Блинкову.) Вы с ним встречались после его разлуки с Софьей Михайловной?

Блинков (не совсем спокойным голосом).
Встречались!

Прихвоснев. И что же, ничего?

Блинков (тем же беспокойным голосом).
Ничего, кажется!..

ЯВЛЕНИЕ II

Входят Аматуров и Надя, франтовски одетая.

Аматуров (Прихвосневу, который его почти раболепно встречает). Вот и мы к вам на гулянье приехали!

Прихвоснев. Очень-с рад, очень! (Кланяется Наде.) Какая вы, Надежда Дмитриевна, прелесть стали! Чудо что такое!

Надя (перебивая его). Пожалуйста, без насмешек.

Прихвоснев. Какие насмешки! (Аматурову.) Я вот этта как-то встретил вас: едете вы на ваших рысаках... сбруя горит, экипаж отличнейший, сами молодцом сидите, около вас (показывая на Надю) этот ангелочек... Просто народ ахает и рот разевает, глядя!

Аматуров (самодовольно). Действительно, у меня эта пара недурная! (Проходит и вместе с Надей садится около столика на левой стороне авансцены.)

Прихвоснев (следуя за ним). Чем прикажете потчевать?

Аматуров. Нам пока ничего не надо, а об лошадях похлопочите: велите вашему кучеру их отпрячь, чтобы повыстоялись они немного, и овса им дайте.

Прихвоснев. Сами, значит, правили, в одноколке приехали?

Аматуров. Сам. Но, однако, спешите, не раздабаривайте.

Прихвоснев. В минуту все устроим. (Уходит.)

Аматуров (надев пенсне и осматривая сад, говорит Наде.) Это, кажется, господин Блинков?

Надя. Он... То-то, я думаю, у вас как в сердце закипело! Так бы и съели его сейчас!

Аматуров (с усмешкой). Напротив!

Надя (перебивая его). Уж сделайте милость, не запирайтесь! Досадно уж!

Аматуров (с той же усмешкой). Почему ж

досадно?

Надя. Да как же! Прежде Софья Михайловна вас любила, а теперь, говорят, его любит.

Аматуров. И на здоровье ей! Вот мы сейчас даже оприветствуем друг друга! (Громким голосом и кивая головой Блинкову.) Здравствуйте, Блинков.

Блинков (вскакивая с места и несколько трусливо). Ах, здравствуйте!.. Как ваше здоровье?

Аматуров. Ничего, живем... Не хотите ли в следующее воскресенье на бегах потягаться на рысаках?

Блинков (скаля от удовольствия рот). Извольте-с. У нас нынче новый каурый рысак есть.

Аматуров. А мы на старом еще поплетемся. С Софьей Михайловной Дарьяловой часто видитесь?

Блинков (опять струсив). Нет-с, нечасто.

Аматуров. А как этак?

Блинков. Да так... иногда бываю-с. А вы видитесь?

Аматуров. Нет, мы не видаемся. Прежде уж часто видались, надоели друг другу.

Блинков. Вот что-с! До свиданья! (Встает и хочет уйти.)

Аматуров (ему). Куда ж это вы?

Блинков. На бильярде в кофейную (показывает головой на заднее здание) иду поиграть! (Скрывается.)

Аматуров (слегка усмехаясь). Убежал, каналья. Думает, верно, что я стану претендовать на него; а я рад, очень даже, что он утешил безутешную...

Надя (щуря глаза). Ах, как вы злы на Софью Михайловну, ужасно! Сейчас и насмешничать над ней! Что и надоели друг другу и что утешил безутешную!

Аматуров (уже серьезным голосом и с удариением). Ну, я еще мало на нее злюсь! На нее следовало бы больше злиться за все ее деянья против меня.

Надя. Какие же деянья ее против вас были?

Аматуров. Да вот хоть бы то, что меня ревновала, никуда от себя не пускала, только что не на цепочке держала; а сама в это время под сурдинкой любовника другого приобрела себе.

Надя (с удивлением). Какого любовника?

Что вы выдумываете?

Аматуров. А Блинкова этого?

Надя. Да если она и полюбила его, так после того, как вы ее кинули.

Аматуров (вспылив даже). Что ты мне говоришь: после! У ней на именинах стоял букет от него. Они давно уж, я думаю, обожают друг друга!

Надя. Где ж давно? Он всего два раза у ней и был тогда... На моих глазах все это происходило.

Аматуров. При тебе два раза, а вот, может быть, в этом же саду, у этого мерзавца Прихвоснева, каждый день видались; но все это - люби она там кого ей угодно, сколько угодно; но, главное, как она смела бросить мне портрет в лицо!.. Она прямо тут рассчитала, что она женщина и что я ничем не могу отплатить ей за то... Не хлыст же взять и самое ее отдуть! Мы не в том веке живем.

Надя (грозя ему пальчиком). Погодите, Аполлон Алексеич, стойте! Отчего ж вы на другую, которая у вас была вместе с Софьей Михайловной, не сердитесь? Та тоже вас оставила!

Аматуров. Та оставила меня благороднейшим образом; она возвратила мне мой портрет и написала мне письмо, чтоб я больше к ней не ездил.

Надя. Нет, не потому! Не проведете меня.

Аматуров. А почему же?

Надя. А потому, что и теперь еще к ней ездите.

Аматуров (заметно смущенный этими словами). Пустяки какие! Когда же я езджу?

Надя. Знаю я, знаю!.. И подстерегу даже вас и тоже в лицо вам брошу помело даже! Я злая тоже.

Аматуров (продолжая оставаться несколько смущенным). Ты можешь кидать. Ты другое дело!

ЯВЛЕНИЕ III

Входит Препиратов, мрачный, сильно похудевший.

Препиратов (одному из лакеев басом). Одолжите мне, любезный, чаю!

Лакей. Сейчас-с! (Уходит.)

Препиратов, обернувшись в сторону к Аматурову, начинает

всматриваться в него. Тот на него тоже

смотрит.

Аматуров (про себя). Где я видел этого господина, не помню!

Препиратов (к нему и по обыкновению басом). Я, кажется, имел удовольствие встречаться с вами в собраниях компании "по выщипке руна из овец".

Аматуров (припомнив). Ах, да! Там! Действительно! Вы, кажется, адвокат?.. Господин Препиратов, если я не ошибаюсь?

Препиратов. Точно так! (Подумав немного.) Что же, эта компания так и лопнула?

Аматуров. Совершенно.

Препиратов (нахмутив брови). А где же этот обманувший всех господин директор?

Аматуров. На юге себе благоденствует. Пароходом своим управляет и еще, говорят, новое какое-то предприятие затевает! В двухстах тысячах считают.

Препиратов (глубокомысленно качнув головой). Какая безнаказанность!

Аматуров. Да, нынче плутовать можно, кто умеет прятать концы. Вон и по вашей адвокатуре есть ведь тоже это?

Препиратов (грустным голосом). Есть! К ве-

ликому сожалению, должен сознаться, что есть.

Аматуров (всматриваясь в него). Но вы что-то очень похудели? Страдаете чем-нибудь?

Препиратов (мрачно). Грудью! В молодости я учился в семинарии, и нас тогда сильно там истязали... Классы были почесть нетопленные; сами профессора сидели в шубах, мы в своих халатишках - простуда, значит! Потом дурное питание: я все время ученья ел только так называемые купоросные щи, то есть из одной протухлой капусты, без всего! Наконец наказания несоразмерные: ежели мало-мальски в уроке не тверд, профессор подкликнет тебя к себе: "Дай-ка, говорит, твои аксиомы!" - и таскает, таскает тебя за волосы; а бросит, его же поблагодари, что наказал.

Аматуров. Что за варварство такое!

Препиратов. Жестокое проходили воспитание...

Лакей (подходит к нему). Чай готов.

Препиратов. Благодарю! (Идет к столику, за которым усевшись, начинает с мрачным выражением пить чай.)

Аматуров (снова относясь к нему). А скажите: у той госпожи, с которой я вас видел, вы до сих пор поверенным?

Препиратов (с окончательно помрачившимся взором). Нет-с, она другого уже поверенного имеет! Мы с ней более года, как разошлись.

Аматуров. Вследствие чего же?

Препиратов. Вследствие того, что она женщина неблагодарная и развращенная.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Софья Михайловна. Она появляется из ворот сада.

За ней, едва поспевая, следует Блинков.

Блинков (ей негромко и торопливо). Я вас все тут у ворот дожидался... Аматуров здесь в саду сидит.

Софья Михайловна. А мне что за дело до того! Он может сидеть и бывать где ему угодно! (Подойдя к столу направо и обращаясь к Блинкову.) Муж приехал и был у меня.

Блинков (побледнев). У вас даже был?

Софья Михайловна. Да, но не застал меня дома. Я нарочно уехала из дому... Позовите ко мне поскорее Прихвоснева, чтоб он отдал мне

мои деньги, я сейчас же уеду.

Блинков. Куда-с?

Софья Михайловна. Не знаю еще и сама, куда.

Блинков хотел было идти, но из кофейной вышли Прихвоснев и Дарьялов.

Прихвоснев (искренним голосом). Ей-богу, Ираклий Семеныч, вашей супруги здесь нет.

Дарьялов (взбешенным голосом). Что вы мне говорите! Я по пятам почти ее ехал! (Увидав Софью Михайловну.) А это что?

Прихвоснев. Сейчас только, вероятно, приехала.

Дарьялов (передразнивая его). Приехала сейчас! (Как бы несколько в сторону.) Мошенники!

Прихвоснев. Вы не ругайтесь, а не то я велю вас вывести!

Дарьялов. Как же, вывести тебе меня!

Прихвоснев. И выведу, да! (Сам, впрочем, уходит в кофейную.)

Дарьялов (осматривая публику). А, и господин Аматуров здесь! Вся компания, значит, в сборе. (Жене.) Почему ты не приняла меня да-

веча?

Софья Михайловна (твердым и как бы спокойным голосом). Давеча меня дома не было.

Дарьялов. Но я оставил тебе записку, где писал, что приеду в восемь часов, отчего ж ты меня не подождала?

Софья Михайловна. Я нарочно уехала, чтобы ты не застал меня.

Дарьялов (в бешенстве повторяя). А, нарочно!.. Ну, погоди, я еще после с тобой поговорю! Прежде с этим господином! (Подходя к Аматорову почти с сжатыми кулаками.) Послушайте, что за подлости вы делаете против меня?

Аматоров (тоже вставший на него, гордо и грозно выпрямившийся и как-то зловеще поигрывая своим хлыстиком). Какие-с?

Надя не знает, куда и глядеть; она то опускает глаза в

землю, то взмахивает их на Софью Михайловну, которая

стоит неподвижно, как статуя, Препиратов мрачно

прислушивается к начинающейся ссоре.

Дарьялов. Такие, что... за каким-то там дья-

волом представляете векселя на меня! Я должен был для этого за семьсот верст прискакать!

Аматуров (насмешливо). За таким, чтобы деньги получить, которых вы мне не платите. Я вовсе не желаю, чтобы вексель мой пропал!

Софья Михайловна при этом презрительно улыбнулась.

Дарьялов (почти крича). Не на меня же вы должны представлять его ко взысканию, а должны обращаться к моей поручительнице, к жене моей!.. Вон она сидит тут с вами - хоть съешьте ее!

Аматуров (опять усмехаясь). Месяц уж давным-давно истек после срока, да и во всяком случае я должен был бы первоначально обратиться к вам.

Дарьялов. Нет-с, не ко мне, извините! Я законы знаю! Я жену нарочно поручительницей и поставил, чтоб она первая платила вам! Это вы с ней дела делали, с ней и разделяйтесь.

Аматуров (как бы даже в удивлении). Если вы так рассчитывали, то ошиблись! И всего

лучше, я полагаю, наш спор может разрешить господин Препиратов как юрист! (Обращаясь к Препиратову.) Скажите, имею ли я право после пропуска месячного срока обращаться к г-же Дарьяловой, как к поручительнице?

Препиратов (откашлянувшись и басом). Если месячный срок истек, то никакого.

Дарьялов (опешенный и обращаясь к Препиратову). То есть как же? Кто же теперь в настоящую минуту должен платить господину Аматурову: я или жена?

Препиратов. Вы!

Дарьялов. А жена так-таки и ничего?

Препиратов. Ничего! Через месяц после срока, если вексель не подан был ко взысканию, с поручителей спадает всякая ответственность.

Дарьялов (в бешенстве махая руками и покраснев, как рак.) Это черт знает что! Это грабеж дневной! Там устроили какие-то шушуканья между собой, пришли, сами предложили мне денег под вексель! Я человек военный: всех тонкостей в этих делах не знаю!.. Просто как на большой дороге ограбили!

Аматуров (приподнимая немного хлыст и

сильно возвысив голос). Кто вас грабил? Вы всех грабили и тысячи людей обворовали, и я вытяну с вас свои деньги.

Дарьялов (передразнивая несколько его). Вытяну! Вытяну! Да!.. Да!.. Как вам не вытянуть! Развратитель этакий! Вкрался в честный дом, разрушил семейное счастье да вексель там какие-то заставил подписать ему!

Аматуров (все более и более наступая на Дарьялова). Разве я вас заставлял подписывать? Вы сами просили взять с вас вексель, и я чистые деньги отдал вам под него.

Дарьялов (немного уже отступая.) Не для меня же вы их отдавали, а для жены... Пять лет его женщина любит, как дура какая-нибудь, а он грошами какими-то не хочет пожертвовать за то. Только одни жидоморы так делают.

При последних словах Софья Михайловна вздрогнула даже всем телом.

Дарьялов (жене). Извольте сейчас же заставить господина Аматурова изорвать свой вексель на меня!

Софья Михайловна (насмешливым голосом). Не послушает он, я думаю, теперь меня!

Дарьялов. А не послушает, я в деревню увезу тебя.

Софья Михайловна (по-прежнему насмешливо). И то, полагаю, не поможет, да в деревню я и сама с тобой не поеду.

Дарьялов. Нет, поедешь, будь покойна. Если я силой посажу в вагон, так поедешь.

Софья Михайловна. Никогда ты не посмеешь этого сделать. Никогда!.. Я талисман против тебя имею могущественный... сильный...

Дарьялов (насмешливо). Талисман она там имеет.

Софья Михайловна. Да. Талисман... талисман... (Протягивая в сторону руки и как бы ища кого-то.) Послушайте, этот... Блинков...

Блинков приближается к ней.

Софья Михайловна. Есть с вами деньги и большие деньги? А если нет, то съездите сейчас за ними.

Блинков (обрадованным голосом). Со мной-с теперь чек... Сегодня ездил в банк получать...

Софья Михайловна. Ну, и хорошо это. Постарайтесь вы теперь же заплатить (показывает на Амурова) этому господину тридцать

тысяч и сделайте так, чтобы вексель его на мужа принадлежал мне. Можно это?

Блинков (сконфуженный и обрадованный). Я думаю, можно-с.

Софья Михайловна (Препиратову). Делается так?

Препиратов (по-прежнему мрачно стоявший около своего стула). Всегда так и делается и совершенно законно будет.

Блинков (подойдя к Аматурову). Угодно вам получить чек?

Аматуров (насмешливо). Сделайте одолжение.

Блинков пишет чек, а Аматуров - расписку в получении

денег; тем и другим они обмениваются между собой; затем

Блинков подает расписку Софье Михайловне.

Софья Михайловна. Благодарю. (Мужу.) Ты вот смеялся над талисманом против тебя, а он у меня оказался. (Показывает ему расписку Аматурова.) С ним ты меня, надеюсь, не повезешь в деревню, а иначе я деньги взыщу.

Дарьялов (не глядя на нее и притоптывая

ногой). Очень ты мне нужна!

Софья Михайловна. Конечно. (Обращаясь к Аматорову.) Вам мне следует еще заплатить те деньги, которые вы мне последний год передавали; я сочту, сколько их, и заплачу вам.

Аматоров (по-прежнему насмешливо, но внутри, видимо, терзаемый совестью). Слушаю-с.

Софья Михайловна (как бы с просветлевшим на мгновение лицом). А мне теперь одна фантазия пришла: мне кутить хочется!.. (Блинкову.) Прикажите Прихвосневу, чтоб он дал нам ужинать и вина человек на шесть, на семь.

Блинков. Сию секунду-с. (Убегает.)

Софья Михайловна (всем). Оставайтесь со мной поужинать. Может, в жизни мы никогда уж и не встретимся. (Аматорову.) Согласны, Аматоров, хоть в память того, как мы когда-то с вами ужинали?

Аматоров (грустно улыбаясь). Если вы желаете того.

Софья Михайловна (Наде). Поужинай, Надя, и ты со мной.

Надя (совсем опуская глаза). Извольте-с.

Софья Михайловна (мужу). А ты останешься?
ся?

Дарьялов (грубо и насмешливо). Можешь
ужинать и без меня!

Софья Михайловна садится за один из сто-
ликов, за который

также садится и Аматуров. В продолжение
всей последующей

сцены он заметно расстроен и все кусает
себе губы. Наде

тоже, как видно, очень неловко сидеть с
Софьей

Михайловной.

Софья Михайловна (Препиратову). При-
сядьте и вы к нам.

Препиратов (басом). Благодарю вас! Я не
ужинаю. (Остается на своем месте.)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Блинков с Прихвосневым, а за ни-
ми лакеи вносят

ужин и вино и ставят все это на стол.
Блинков садится

рядом с Софьей Михайловной, а Прихвос-
нев около него.

Софья Михайловна (подвигая гостям своим

блюда). Кушайте... А мне дайте еще проплакаться... Слез уж много накопилось. (Закрывает себе лицо руками.)

Все смотрят на нее с удивлением и даже некоторым страхом.

(Вдруг открывая лицо, хватая бокал и обращаясь к Блинкову.) Налейте мне вина и всем налейте!

Блинков наливает.

(Поднимает бокал.) За здоровье всех лореток, кокеток и камелий! (Гостям своим.) Что ж вы не пьете? Вы только их и любите нынче! Они вам милей всякой честной женщины, и не почему другому, как потому, что менее затрагивают ваш эгоизм: их можно бросить каждоминутно, без всякого зазрения совести, хоть умри она от того, и сейчас же найти другую, лучше, моложе... красивее!.. Пейте. (Выпивает залпом бокал свой.)

Вслед за ней и прочие выпивают вино свое, и при этом

один только Прихвоснев негромко восклицает: "Ура!"

Аматуров (грустно-насмешливым тоном). Вы, может быть, не хотите ли, как Лукреция

Борджиа, отравить нас?

Софья Михайловна (устремляя на него про- ницательный взгляд). А хорошо было бы... хо- рошо! И с вас начать первого... Впрочем, где же всех перетравить! Все вы такие: и здесь все сидящие и там вон! Но зачем же уж вас так во всем винить? Вон он (показывает на мужа) бил меня, когда я не хотела участво- вать в некоторых проделках его.

Дарьялов (ходивший в глубине сцены). Ко- гда ж это было?

Софья Михайловна. Было! Не запирайся! (Снова обращаясь к Аматурову.) Но вы... Вы, пожалуй, еще хуже его были против меня. Я вас любила как высшее какое-то существо... Я думала, что вы уврачуете вашим участием все душевные страдания мои, которые у меня накопились от жизни с этим человеком... (По- казывает опять на мужа.) Но вы... Я не говорю уже об изменах, а когда вы, может быть, и верны еще были мне, вы всегда видели во мне какую-то чувственную игрушку вашу... Помните, сколько раз я плакала и говорила вам, что я женщина, а не животное и хочу, чтобы меня любили не за одно красивое ли-

цо. Вы мне отвечали на это одними полусловами. Вам, кажется, смешно было слышать такое мое желание... А этот (показывает на Блинкова) совсем уж меня, как вещь какую простую, купить хочет! (Строго Блинкову.) Но только я не дамся вам!.. Вы меня не купите! Я не хочу вас обманывать: вы мне гадки!.. Нате вам ваши деньги! (Бросает ему расписку Ама-турова.)

Блинков, совсем растерявшийся, берет эту расписку.

Софья Михайловна (вставая). Хотела было с добрым чувством проститься с вами, но и того не могу. (Идет к выходу.)

Все прочие тоже встают из-за стола.

Надя (слушавшая Софью Михайловну с потупленным лицом, вдруг бежит за ней). Софья Михайловна, возьмите и меня с собой, хоть опять в горничные!

Софья Михайловна (оборачиваясь к ней и каким-то мрачным голосом). Зачем?.. Разве ты спасешься куда-нибудь от этих людей? От них уйдешь, других встретишь, и, может быть, полгода, год какой-нибудь поборешься, но в конце концов опять будет то же! Иначе

жить нельзя, пойми ты это! Не порок!.. Как вот он же выучил меня этой фразе! (Показывает на Аматурова.) Не порок, а добродетель должна умолять, чтоб ей позволили существовать! (Окончательно мрачным голосом.) Я иду на презрение, на нищету и на что-нибудь еще худшее, а тебе разве хочется того?.. Да и зачем это делать? Смотри: вас тут уважают, вам весело тут, привольно, нарядно! Оставься!.. (Машет рукой и уходит.)

Надя остается в глубине сцены сильно смущенною.

Аматуров (на авансцене). Это бог знает что такое! Бред какой-то!

Блинков (почти плачущим голосом). За что это на меня Софья Михайловна рассердилась, сам не знаю.

Дарьялов (снова с каким-то расщиренным лицом). Но кому же все-таки я должен теперь остаюсь? (Блинкову.) Вам, что ли?

Блинков. Ничего не мне-с! Я вот сейчас разорву расписку господина Аматурова! (Рвет расписку, которую ему подала Софья Михайловна.)

Дарьялов. (Аматурову). Вам, значит?.. Не

доберусь - какая путаница вышла!

Аматуров (ему с досадой). Убирайтесь вы с вашим долгом! Очень он мне нужен! Я так тогда подал в сердцах ко взысканию... Я завтра же напишу в суд, что вы мне заплатили. (Блинкову, кидая ему чек его.) Возьмите и вы ваш чек назад.

Блинков (каким-то почти героическим тоном). Нет, уж вы его взяли и получите по нему. Это извините... Софья Михайловна хоть и говорит, что я хотел ее, как вещь, купить! Я не хотел того! Я только влюблен был в нее, в этом каюсь.

В это время раздается выстрел.

Все (в один голос). Что такое?

Вбегает лакей.

Лакей (перепуганным голосом). Госпожа, что вышла сейчас, застрелилась на дорожке.

Блинков и Надя (совсем опешенные). Господи!

Препиратов (значительно мотнув головой и в сторону). Я ожидал этого!

Аматуров (побледневший, как полотно). Но где же и откуда она могла взять пистолет?

Блинков (от страха окончательно пришеп-

тывая, так что едва можно понять, что он говорит). Она давно его носила, говорила все, что вас хочет застрелить!

Все бегут в ту сторону, откуда раздался выстрел.

Дарьялов (оставшийся еще на сцене и тоже, как видно, сильно пораженный). Какова соколиха?.. А?.. Какова?..

Прихвоснев (совсем склоняя голову перед публикой). Странная женщина, особенно в наше просвещенное время.

Занавес падает.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОСВЕЩЕННОЕ ВРЕМЯ

Впервые драма напечатана в журнале "Русский вестник", 1875, No 1 (январь).

12 октября 1874 года Писемский сообщил своей петербургской знакомой В.А.Куликовой: "Новую комедию мою я уже кончил, и с нее теперь переписывается два экземпляра для отправки в Петербург, и после следующей субботы я прочту ее некоторым приятелям моим и некоторым актерам; я немедленно пошлю ее в Петербург в главное управление цензуры, от которой, впрочем, не может быть

никакой опасности, и, послав, вас уведомлю, а также и Нильского, чтобы он похлопотал о скорейшем пропуске ее в цензуре и Театральном комитете. Что касается до заглавия, то я его не решил еще и имею предположение назвать ее или 1) "Компания по выщипке руна из овец", или 2) "Сумасшедшая женщина", или 3) "Проблики". На котором из них остановлюсь и сам еще не ведаю"*.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 272.

Через неделю, то есть 20 октября, Писемский действительно отослал "Просвещенное время" в Главное управление по делам печати. Но после этого, по-видимому, под влиянием советов и замечаний друзей и актеров он решил внести в пьесу некоторые изменения, оказавшиеся в итоге столь существенными, что изменили самую ее жанровую природу. 4 ноября 1874 года он писал А.Н.Майкову: "...я послал ее (пьесу. - М.Е.) несколько спеша, будучи далеко недоволен ее окончанием. Теперь я это окончание изменил и вместе с этим письмом отправил это измененное

окончание к актеру А.А.Нильскому, который хлопочет о моей пьесе и которого я прошу, чтобы он свез это перемененное окончание к театральному цензору... Перемена эта состоит в том, что прежде главная героиня (Софья Михайловна Сырдарьялова) в конце пьесы просто уходила, а теперь она за кулисами застреливается. Мне это необходимо потому, что это, как сам ты увидишь, изменяет смысл всей пьесы и несказанно возвышает ее нравственное значение"*.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 274-275.

Вопреки ожиданиям Писемского, цензура отнеслась к его новой пьесе резко отрицательно. "Автор комедии, - писал цензор Фридрихберг, - изображает картину упадка нравов в современном обществе и с этой целью представляет ряд более или менее цинических картин из быта семейного и общественного. Таким образом, хотя цель комедии и похвальная, но в настоящем своем виде она заключает в себе слишком много цинических сцен и потому не может быть разрешена к представ-

лению"* . На "сновании того, что цензор называет пьесу комедией, можно судить, что он читал ее первую, еще не переработанную редакцию. Писемский вынужден был предпринять специальную поездку в Петербург, чтобы снять этот запрет. По требованию цензора он внес в текст пьесы какие-то дополнительные изменения, о чем тот же Фридрих писал так: "Ныне автор, приняв к руководству поставленные ему на вид цензурные указания, устранил из сказанной пьесы все места и частности, которые вызвали ее запрещение, и, кроме того, написал новые заключительные сцены, которые придали драме его еще более рельефный благонамеренный характер. Поэтому цензор признавал бы справедливым переделанную ныне автором пьесу "Просвещенное время" безусловно допустить к представлению"*** .

* Н.В.Дризен. Драматическая цензура двух эпох, стр. 256.

** А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 713.

После разрешения драмы в ее текст были

внесены еще некоторые, по-видимому, весьма незначительные изменения, в частности переименованы были фамилии двух действующих лиц, о чем Писемский уже после напечатания "Просвещенного времени" сообщил цензору: "...покорнейше прошу приказать в процenzурованном экземпляре фамилию Сырдарьялова переименовать просто на Дарьялова, а фамилию Адатурова - на Аматурова, то есть, как они напечатаны. Сделал это я затем, что первая из этих фамилий была очень длинная, а к второй существует в Москве близко подходящая, и господа, ее носящие, могут обидеться"*.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 296.

Первое представление пьесы состоялось 30 января 1875 года на сцене Московского Малого театра. Успех спектакля в какой-то степени был предопределен тем, что в январе 1875 года праздновалось двадцатипятилетие литературной деятельности Писемского "Вчера сыграли в первый раз мою пьесу, - писал драматург сыну. - Сама пьеса принята публикой

восторженно: со 2-го акта меня начали вызывать по несколько раз, чего никогда прежде не бывало: авторов обыкновенно вызывали по окончании пьес, а тут публика как будто не вытерпела и поспешила меня оприветствовать!"*.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 292.

"Просвещенное время" вызвало многочисленные и крайне разноречивые отзывы. Многие рецензенты писали о грубости и прямолинейности как основных качествах этой пьесы Писемского. В противоположность этому мнению отмечалась выпуклость, убедительность выведенных драматургом характеров. Такой тонкий знаток драматургии, как И.А.Гончаров, писал об этой пьесе: "Она мне показалась умна, жива, искусно задумана и чрезвычайно удачно ведена, как будто вылитая сразу из одного куска металла.

Но что в ней лучше всего - это обе героини. Дарьялова и Надя - обе женственны. Это настоящие женщины: очерк горничной Нади - сделан мастерски...

Кроме того, пьеса нравственна - обнажая грубые понятия о нравах и жалкие отношения обоих полов друг к другу - в просвещенное время! Последняя сцена в саду... глубоко трогательна, даже без пистолетного выстрела"*.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 734.

П.В.Анненков особо отмечал жанровую новизну драмы: "Меня не удивляет ее успех на сцене, ибо крупные характеры и крупная интрига пьесы, намеченные чрезвычайно твердо рукою, должны были произвести большой эффект. Так и должны писаться политические комедии, которые всегда сродни памфлету, и родства этого стыдиться не должно. В последнее время вы сделались отцом драматического памфлета и сказываете в этом новом роде мастерство, не подверженное сомнению. Продолжайте разрабатывать этот новый род и не изменяйте своей манеры: род этот очень важен, очень полезен и сбережет ваше имя и вашу память в людях современных и будущих"*.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 727.

В настоящем издании пьеса печатается по тексту "Русского вестника".

М.П.Еремин